

no ref
col na
mech
pa
the
Dome
meant
Zuna of
nofe Domet,
U Jess, miss
faper, miss
Zur Jahr Digno
Zannei sauer Jahr Jess u Jess
Tomod u Zanne.
Zennin!

Suff, m
in our
Zanne
Zanne
-
"Zel, d
Ce
Zanne" fe
meo, no
u sauer
u an Dytto
Zanne u Jess
Zanne.

Наследие

П.В. Флоренский, Т.А. Шутова

«Наш тихий светлый ангел»

История любви и смерти

Он был знаменитым писателем. Она – начинающей художницей, поэтессой. Их разделяли три тысячи верст пространства и четверть века разницы в возрасте. Они писали друг другу письма. Потом встретились. Он любил ее как Вечную Женственность, своего тихого светлого ангела. Как сестру. Как дочь. Она умерла совсем юной, он – спустя четверть века, за три тысячи верст от ее могилы...

Они полюбили друг друга с первого взгляда и поклялись любить до гробовой доски. Они жили недолго и умерли в один день с разницей в четыре года...

Это не сюжеты средневековых баллад, не история любви Данте и Беатриче, Петрарки и Лауры. У обеих историй одна героиня, а было это сто лет назад. Место действия – Россия. Время – Серебряный век. Имена действующих лиц знакомы читателю. Известный писатель – это Дмитрий Мережковский. Имя Прекрасной Дамы – Ольга, и была она младшей сестрой великого ученого, философа и богослова Павла Флоренского.

Обратившись к архиву семьи Флоренских, мы попробуем восстановить обстоятельства событий начала прошлого века, дотоле неизвестных биографам и читателям, попытаемся понять помыслы и чувства их участников, скрытые и запечатленные на бумаге в строках переписки Д.С. Мережковского, его жены З.Н. Гиппиус и юной художницы Ольги Флоренской, которая многие годы была желанна в их доме, занимала важное место в их жизни. Наша героиня жила в бурное и противоречивое время, находилась в самом центре культурной и общественной жизни России, была знакома и вхожа в круги тех, кто прославил эту необыкновенную пору. Поэтому стоит напомнить о событиях эпохи и о тех, в свете которых жила и страдала та, кого называли «тихим ангелом». Спутниками в путешествии в прошлое станут рисунки героини нашего рассказа.

О времени

Серебряный век – удивительное время русской культуры начала XX века, когда казалось, что в одной отдельно взятой стране расцвело все и сразу: философия, наука, литература, искусство. При этом во всем был некий апокалиптический привкус. Предвестники грядущей катастрофы появились накануне первой русской революции и русско-японской войны. Потом наступил, как казалось, период некоторого затишья,

одни называют его русской «белой эпохой» – прекрасной эпохой, другие – порой безвременья. Вскоре вспыхнула мировая война, грянул октябрьский переворот. Созвездие представителей Серебряного века, казалось, кануло в «черную дыру» русской драмы: иных уж не было, те были далеке. Тем больший интерес представляет то, чем они жили, их мысли и ощущения, переданные не в воспоминаниях современников, когда многое видится в ином свете, многое забылось, а в непосредственном, сиюминутном восприятии –

«из первых рук», – которое передают письма. Эпоха, о которой идет речь, настолько богата, разнообразна и противоречива, что нам придется ограничиться лишь тем, что важно для рассказа о жизни нашей героини.

Высокую ноту эпохе задал тот, кого Бальмонт определил так: «отшельник, скромный обожатель Бога, монах-поэт Владимир Соловьев». И если верно, что русская литература развивается не столько от Пушкина, сколько к Пушкину, верно и то, что после Соловьева русская поэзия устремилась к нему, к его «торжествующим созвучьям». Вслед за ним целая плеяда мыслителей попыталась «объять необъятное» – соединить науку, искусство, философию, религию в единое всеобщее знание.

С легкой руки Дмитрия Мережковского, выступившего 7 декабря 1892 года с лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», культура рубежа веков была названа французским словом «декаданс», что в переводе означает «упадок». Однако «упадок» был своеобразным. Это было падение в пространство заоблачное, запредельное, где в свободном полете парили мысль и чувство. В тот же год Мережковский издал сборник своих стихов «Символы», возвестивший начало русского символизма.

Своим творчеством Владимир Соловьев дал мощный импульс тому, что называют религиозным возрождением. Следует сказать, что на рубеже веков Русская Православная церковь переживала глубокий кризис, и в среде интеллигенции ее все больше упрекали в том, что она оторвалась от народа, став приложением государственного аппарата. Процесс

Д.С. Мережковский

Демонстрация студентов. Санкт-Петербург. 1905

религиозного возрождения сопровождался духовными исканиями и в лоне церкви, но преимущественно – вне ее.

Несмотря на свою репутацию отшельника, Владимир Соловьев был тем не менее фигурой общественной. Он выступал с публичными лекциями, на которые приходили слушатели из самых различных слоев общества. За одну из них, прочитанную в марте 1881 года, в которой он призывал помиловать народовольцев, участвовавших в покушении на Александра II, приват-доцент Петербургского университета Владимир Соловьев был лишен права преподавать в университетах. В 1901 году, через год после его кончины, по инициативе Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус и их единомышленников было образовано Религиозно-философское собрание, на заседаниях которого впервые встретились лицом к лицу представители интеллигенции и церкви, чтобы обсудить насущные вопросы духовной жизни России. Для публикации stenogramм заседаний был создан журнал с программным названием «Новый путь», в состав редакции которого и вошли инициаторы собрания.

Знаменитая чета Мережковских идет дальше, пытаясь создать свою, собственную церковь Третьего Завета, в которой могли бы соединиться Дух и Плоть, «земля небесная и небо земное», исключив из religio – связи с Богом – жреческую касту священнослужителей. В ночь перед Рождеством 1901 года в «доме Мурузи» на Литейном проспекте, где живут Мережковские, они создают Троебратие, союз Третьего Завета, куда кро-

ме них входит их друг и единомышленник Дмитрий Философов. Однако, несмотря на все усилия, их церковь так и осталась «Союзом трех». В его орбиту попадали многие, но скорее привлеченные обаянием блистательной тройки. Большинство тех, с кем они начинали «новый путь», не поддержали «нового религиозного сознания», оставшись в русле так называемой «исторической церкви».

5 апреля 1903 года Религиозно-философское собрание было закрыто постановлением обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Через год в «Новом пути» произошел раскол, и на смену прежним членам редакции Дмитрию Мережковскому, Зинаиде Гиппиус, Дмитрию Философову, Анатолию Карташеву пришли новые – Сергей Булгаков, Николай Бердяев, С.А. Аскольдов, А.С. Глинка. В начале 1906 года журнал вышел под новым названием «Вопросы жизни».

Кровавое воскресенье 1905 года, расстрел безоружных людей, шедших на Дворцовую площадь с иконами и портретами государя, потрясли русское общество и стали детонатором первой русской революции. Но у нее был не менее кровавый пролог, пятилетие «пышных похорон», как называл идеолог русского терроризма Борис Савинков время, когда по стране прошла серия покушений на министров, губернаторов и высокопоставленных чинов царского правительства. Теперь же, когда Россию захлестнули забастовки, массовые митинги, межнациональные столкновения, когда крестьяне жгли поместья, а рабочие отстреливали городских, террористы приобрели в гла-

Ольга Флоренская. Автопортрет. 1907
Рисунки цветов

зах общества ореол жертвенности, а их действия стали называть «святыми». Террору низов власти противопоставили террор верхов. Заработали военно-полевые суды, страну захлестнули смертные казни, по трактам в Сибирь загревели кандалами каторжники. Интеллигенция России разделилась. Часть ее, по извечной своей традиции сочувствовавшая униженным и оскорбленным, отрезвела, увидев воочию, что несет России «грядущий хам». Часть продолжала раздувать русский пожар.

Весной 1906 года чета Мережковских решает покинуть Россию и надолго уехать за границу. На Варшавском вокзале их провожают Андрей Белый и Николай Бердяев, а во Франции встречает прибывший туда заранее Дмитрий Философов. Они поселяются в Париже, где продолжают литературную деятельность, встречаются с русскими революционерами. С одним из руководителей боевой организации эсеров, Борисом Савинковым, «ангелом смерти», они сближаются особенно; отношения будут поддерживать и позже, уже будучи в эмиграции. Зинаида Гиппиус считала Савинкова своим литературным крестником, которому она подарила название его первого романа «Конь бледный» и один из своих псевдонимов – В. Ропшин, под которым роман вышел в 1909 году.

И вот там, в Париже, осенью 1907 года Дмитрий Мережковский получает письмо, написанное изящным кружевным почерком...

Прекрасная Дама

Домашним именем Ольги было Валя. «Ну, Валя, настоящая Валя», – смеялись старшие сестры и братья, вспоминая вечно склоненную над книгами и тетрадками старенькую учительницу русского языка Валентину Петровну. Маленькая Валя сочиняла стихи и рисовала. Больше всего она любила рисовать цветы...

Семья Флоренских жила в Тифлисе. Отец Вали, Александр Иванович Флоренский, был видным инженером, высокопоставленным чиновником Министерства путей сообщения. Мать, Ольга Павловна, происходила из древнего армянского рода, у нее было много родственников, которые подолгу жили в большом и дружном доме Флоренских на Николаевской улице. Старший брат Вали, Павел, блистательно окончил гимназию, затем физико-математический факультет Московского университета и вопреки желаниям родителей, мечтавших о научной стезе для сына, поступил в Московскую Духовную академию. Старшая сестра Юлия, которую в семье звали Люся, училась в Швейцарии. В Тифлисе оставались сестра Елизавета с домашним именем Лиля, брат Шура,

О. А. Флоренская. Плач Богоматери. 1910

Александр, неугомонный и подвижный мальчишка, который вечно отправлялся в походы, норовил сбежать из гимназии в археологические экспедиции, собирал камни, растения, держал в доме различных животных. В Тифлисе жили еще младшие сестренка и братик – Гося-Раиса и Андрик.

В семье Флоренских царил культ знания, культ науки. Дети много читали, изучали иностранные языки, занимались музыкой, рисованием. Что касается религиозного образования, то дети получали его в гимназии, на уроках Закона Божьего. В семье на религиозные темы говорить было не принято. Конечно, тут соблюдали пост, отмечали церковные праздники, с уважением относились к религии. Но сама церковь не была в центре воспитания детей. Дело было в том, что родители принадлежали к различным конфессиям: отец был православным, а мать была крещена в армяно-грегорианской церкви. Родители с глубоким уважением и любовью относились друг к

другу и избегали всего, что могло бы поколебать семейную гармонию. Поэтому они не допускали никаких религиозных дискуссий, воспитывая в детях терпимость и понимание. Но когда их старший сын Павел решил посвятить себя Церкви, религиозные вопросы, помимо воли родителей, стали в центр интересов детей.

Говорят же, что неисповедимы пути Господни, но, вероятно, отметил Он семью Флоренских особой печатью. Сам Павел Флоренский услышал в ранней юности призыв свыше и выполнил возложенное на него «поручительство Господа». Его сестра Ольга также была необычайно духовно одарена. Но она хотела искать свой собственный путь к Богу, Живому и Близкому. Его зримым и живым выражением была природа, цветы, горы и море – все, Им сотворенное, а Его проявление в себе девочка стремилась передать искусством. Бог и Красота были для нее нераздельны, тождественны, как едиными были Бог и Любовь, а все,

О.А. Флоренская. Портрет П.А. Флоренского.
Коджоры. 1907

что было нечистым, низменным, бездуховным, плотским, не было Красотой, а значит, Богом. Ей только никак не удавалось примирить строгий аскетический идеал той церкви, которой посвятил себя ее брат, с аполлонической радостью искусства в творениях мастеров прошлого и настоящего, которыми она восхищалась. Ольга была натурой цельной и жила как думала, стремилась обрести единство «думания и делания», гармонизировав свои чувства и поступки с симфонией «торжествующих созвучий». Стремление это прошло через всю ее недолгую жизнь, и возможно, неким промыслительным образом неразрешимость его и привела к ранней смерти.

Брат Ольги Павел был в центре культурной и религиозной жизни России, он дружил с поэтами и мыслителями, сам писал символистские стихи и поэмы, его статьи печатали известные журналы. Ольга внимательно следила за тем, что происходило в далеких от Тифлиса столицах, мечтая продолжить учебу в художественном училище. В 1906 году она прочитала роман «Леонардо да Винчи» модного тогда писателя Дмитрия Мережковского, в котором нашла созвучия своим поискам «небес вверх, небес вниз». В те времена

было принято напрямую обращаться к властителям дум. Способом такого общения были письма, которые гимназисты и гимназистки посылали своим кумирам. Ольга вспомнила, что брат Павел был знаком с писателем, и попросила его дать ей адрес Дмитрия Мережковского...

Брат

Брат Ольги Павел Флоренский покинул родной Тифлис летом последнего года XIX века. Он ехал продолжать учебу в столицу не один, а со своими друзьями, как и он, «золотыми» выпускниками 2-й тифлисской гимназии Александром Ельчаниновым и Владимиром Эрном. На станции Ростов друзья узнали из газет, что скончался их кумир, поэт и философ Владимир Соловьев, поклониться которому собирались они при встрече. Так закончился «золотой» век русской культуры. Начинался век XX, самый трагический в истории великой страны. Друзья разъехались: Александр Ельчанинов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, Павел

Флоренский на физико-математический, а Владимир Эрн – на историко-филологический факультеты Московского университета. Но друзья не теряли связи друг с другом и вели подробную переписку.

В 1903 году Александр Ельчанинов сближается с литературно-философскими кругами Петербурга, посещает заседания Религиозно-философского собрания, становится завсегдатаем редакции журнала «Новый путь» и знаменитых чаепитий в доме В.В. Розанова. О своих новых знакомых он рассказывает в письмах друзьям. Так происходит заочное знакомство Павла Флоренского с четой Мережковских. При посредничестве Александра Ельчанинова Павел Флоренский публикует в журнале «Новый путь» три статьи. Позже Флоренский и Мережковские встретились в Москве, куда приезжала знаменитая чета литераторов, а познакомил их Борис Бугаев, сын к тому времени покойного Н.В. Бугаева, профессора Московского университета, известного русского математика. Борис Бугаев закончил физико-математический факультет, где деканом был его отец, но ступил на поприще литературы, став поэтом под именем Андрей Белый. Он был близким другом четы Ме-

режковских, бывал в их квартире на Литейном в «доме Мурузи», посещал их в Париже. А вот Флоренский с Мережковскими не сблизился. Блистательно окончив Московский университет, он сделал свой выбор, решив посвятить себя служению церкви. В последний университетский год он благодаря Андрею Белому познакомился с епископом Антонием (Флоренсовым), ставшим для него духовником и наставником. Павел Флоренский собирается ступить на путь «практического богословия», приняв иночество, однако благословения духовника не получает и поступает в Московскую Духовную академию. Флоренскому известна позиция Мережковских по отношению к церкви, к православию, и эту позицию он категорически не принимает.

12 марта 1906 года в Сергиевом Посаде произошло неслыханное событие. В домово́й церкви Московской Духовной академии шла служба, в конце которой студенты академии обычно приносили проповедь, что было своего рода «практикой» по курсу гомилетики. В тот день была очередь студента Павла Флоренского. Его проповедь произвела эффект разорвавшейся бомбы, потому что в ней содержался пламенный призыв к прекращению братского кровопролития и отмене смертной казни, а еще потому, что сказана она была в день, когда всю страну потрясла весть о казни на острове Березань лейтенанта Шмидта, тогдашнего кумира молодежи. Студент Флоренский был арестован и заключен в губернскую Таганскую тюрьму, из которой его освободили только после решительных протестов общественности. Проповедь Флоренского «Вопль крови» была нелегально издана, мгновенно разошлась по стране, была горячо принята общественностью, и даже мать Флоренского Ольга Павловна не скрывала своей гордости сыном, а Ольга, как сообщает она в письмах брату, восторженно встречена в гимназии как «сестра того самого Флоренского».

Узнав из письма о желании Ольги написать Мережковскому, брат вначале не обращает на просьбу внимания, считая, что это обычное гимназическое любопытство, очередное увлечение. Но сестра настаивает, и вскоре брат присылает ей в Тифлис парижский адрес Мережковских.

Поэт

Покинув Россию в 1906 году, Мережковские обосновались в парижском квартале Пасси, который потом, в эмиграции, станет их пристанищем на долгие годы. Дмитрий Мережковский продолжает работу над трилогией «Царство Зверя», частями которой станут драма «Павел I»,

О. А. Флоренская. Портрет Андрея Белого

романы «Александр I» и «14 декабря». До этого была написана первая трилогия «Христос и Антихрист», вторая часть которой, роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», вышла в 1904 году в журнале «Новый путь». Поэт, писатель и публицист Дмитрий Мережковский был тогда в апогее славы, его выступления и публичные лекции вызывали ажиотаж, особенно в среде темпераментных курсисток, слушательниц женских курсов. Они писали ему записочки, посылали стихи и засушенные цветы. Мережковский уделял мало времени и внимания своим обожательницам, редко отвечал на их послания. Но то письмо, которое получил он в Париже осенью 1907 года, было не таким, как другие. Аккуратный изящный почерк, тонкая шуршащая бумага, небольшой конверт... Он словно услышал голос, тихий, проникновенный и нежный. И Мережковский ответил. Он просил свою корреспондентку написать еще, о себе, о своих занятиях, своих мыслях. Девочка ответила, и между ними завязалась переписка, а затем, когда Мережковские вернулись в Россию, произошла и личная встреча. Так Ольга Флоренская надолго вошла в жизнь Дмитрия Мережковского, а затем

и в круг его близких. Ольга училась в Москве в Строгановском училище, потом в Петербурге на художественных курсах, она постоянно бывала в доме Мережковских, жила у них на даче под Петербургом. Со стороны Мережковского это была влюбленность «лунная», столь свойственная веку Серебряному, та, которую Зинаида Гиппиус питала к Блоку, в которой признавалась ему же Марина Цветаева, а сам поэт – своей «лунной» возлюбленной, Прекрасной Даме «за темной вуалью», которая «и сестра, и невеста, и дочь».

Закономерен вопрос: а как относился Павел Флоренский к дружбе своей сестры с Мережковскими, своими оппонентами, теми, кого он в иронических красках вывел в незаконченной поэме «Святой Владимир»? Увлечение Ольги идеями церкви «Третьего Завета» ее брат, по-видимому, считал «детской болезнью», подобно своему увлечению толстовством, которое пережил в гимназические годы. О том и о другом он пишет в своем фундаментальном труде «Столп и утверждение Истины» в Письме пятом «Утешитель», которое посвящено «познанию Истины, т.е. едино-сущию Святой Троицы», совершаемому благодатью Святого Духа, «Духа Истины». Он столь тщательно разбирает явление, а Мережковский так внимательно вчитывается в посвященные этому строки, о чем сообщает в письме Ольге, что мы нашли уместным подробнее остановиться на том, что говорит Флоренский о «людях лжеименного знания», не имеющих «реальной почвы под ногами» и говорящих «пустоцветные слова, которым сами начинают потом верить».

Павел Флоренский признает, что в основе «нового сознания», как и толстовства, лежит истинная идея, однако считает, что, как только дело доходит до практической ее реализации, носители этого сознания впадают в богоборческую прелесть и становятся святотатями, о пришествии которых упреждали сами же, а их «новое» сознание всегда оказывается не выше-церковным, каким оно себя выдает, а против-церковным и против-Христовым, т.е. церковноборственным, антихристовым. Авторы «Третьего Завета» и «Пятого Евангелия» не были первопроходцами на этом пути, ибо, как пишет Флоренский, «при совершенной недухоносности, людям во все времена слишком легко было впасть в прелестное само-обольщение и подменять духо-носность своим субъективно-человеческим, душевным творчеством, а затем – и бесовским наваждением. Изступление и восторженность, мечтательный профетизм и примрачная экзальтированность принимались за радость о Духе Святом; а, вмес-

те с тем, грех, предоставленный самому себе, овладевал “свободой”. Начиналось искание “двух безконечностей”, а за исканием – погружение в “обе бездны”: – в верхнюю бездну гностической теории и в нижнюю бездну хлыстовской практики; это-то и выдавалось за полноту благодатной жизни»¹.

Несомненно эти строки, будто прямо обращенные к нему, внимательно анализирует Мережковский, во многом признавая правоту Флоренского. И неоднократно, как видно из его писем к Ольге, делает попытки сблизиться с ее братом. Флоренский же упорно избегает всякого сближения, однако не препятствует общению Ольги с Мережковскими и их кругом.

Вернувшись в Россию после двухлетнего отсутствия, Мережковские продолжают попытки объединить два главных вектора русского общества – революцию и религию – в единое устремление революционно-религиозной общественности. Они реанимируют Религиозно-философское собрание, внимательно следят за деятельностью Христианского братства борьбы, созданного тифлисцами Александром Ельчаниновым, Владимиром Эрном и Валентином Свенцицким, сближаются с отцом Михаилом, «апостолом XX века», как называют его петербургские рабочие, образовавшие общество «гогофцев». Ольгу минуло романтическое увлечение «детей страшных лет России», ее ровесников, революцией. Душой она принимает революционную жертвенность, жертву во имя великой идеи, однако считает, что при этом человек вправе жертвовать только своей жизнью, но никак не жизнями других. Об этом она пытается писать роман «Антихрист», отрывки из которого читает своему учителю Мережковскому.

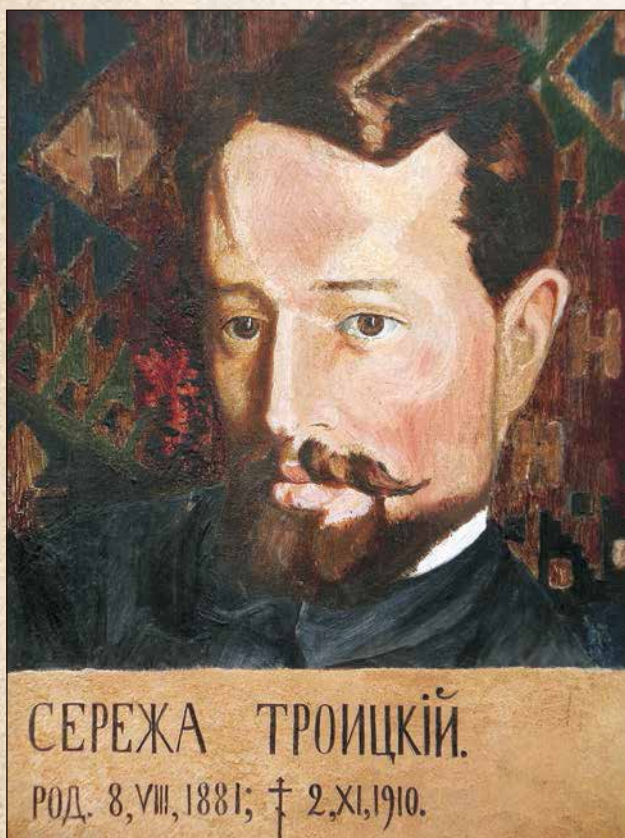
Любовь

У каждой эпохи свои представления о любви, или, как говорили древние, Эросе. Любовь с ее бесконечными проявлениями и оттенками, переходящими или уничтожающими друг друга: влюбленность, страсть, нежность, вожделие, ревность, разлука, измена, верность, похоть, – во все времена в центре внимания художников, поэтов, мыслителей. В нашей истории речь идет о любви, в которой были и устремление к миру горнему, и творчество, и красота. Пылкая влюбленность Мережковского в прекрасную юную корреспондентку, отделенную от него «тремя тысячами верст и четвертью века разницы в возраст-

¹ Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского. М., 1914. С. 133.

О.А. Флоренская. Д.С. Мережковский. Аллегория

О.А. Флоренская. Портрет С.С. Троицкого. 1911

те», превращается за время их знакомства в дружескую приязнь, окрашенную чувствами восхищенного единения, становясь отеческой любовью в трагические периоды жизни Ольги, братским участием в ее судьбе, приближаясь к духовной любви, «агапэ» древних греков, в последние месяцы их знакомства.

Завязка драмы происходит летом 1907 года, когда Павел Флоренский привозит в свой тифлисский дом своего друга и однокашника по Духовной академии С.С. Троицкого. Когда Сергей впервые увидел ее, тихую, светлую, прекрасную какой-то нездешней, надмирной красотой, для него весь белый свет сошелся в ней, и Ольга стала средоточием всей его жизни. Сергей Троицкий был сыном священника села Толпыгино Костромской губернии, готовился продолжить семейное призвание. По окончании академии, прежде, чем приступить к магистерской диссертации, ее выпускники Павел и Сергей отправились посетить родных, сначала к Павлу в Тифлис, а потом в Толпыгино к родителям Сергея. Встреча с Ольгой круто изменила жизнь Сергея. В своих чувствах он признается Ольге в письме, а вскоре получает ответ. О переписке молодых людей стано-

вится известно родителям Ольги и брату Павлу. Что ж, то, что юноши из хороших семей находят себе избранниц среди сестер друзей, это обычно и привычно. Время все расставит на свои места. Но молодость нетерпелива. И когда Сергей неожиданно меняет свои планы и уезжает в Тифлис, его друг Павел воспринимает это как измену их общему делу, которому собирались они посвятить себя, «видению себя глазами другого», но «пред лицом Третьего».

Мы снова обратимся к труду Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины. Опыт теодицеи в 12 письмах», где в главе о дружбе, посвященной «Далекому другу», он пишет: «Быть вместе, со-пребывать в общинной, приходской жизни», где «это “со-”, понимаемое как «несение тягостей» друг друга (Гал 6₂), как взаимное послушание, есть и жизненный нерв дружбы и крест ее». И, вероятно, имея в виду несостоявшийся союз с «далеким другом» «в Третьем», добавляет: «Да; и всякия дружбы, как и вообще жизнь христианская в этом смысле есть монашество. <...> В этом-то и лежит послушание дружбы, несение креста Друга своего»². И в том, что не реализовался замысел «хождения монахов по два», подобно «апостольской двоице», возможно, и есть разгадка того острого кризиса, «тихого бунта», который в 1908–1909 гг. переживает Флоренский, и о чем пишет Мережковскому Ольга. В переживаемом есть и предчувствие драмы, неизбежной при распадении «единосущности» данных обет: «Верность есть и всегда считалась церковным сознанием за нечто необходимое не только ради сохранения дружбы, но и ради самой жизни друзей. Соблюдение раз начатой дружбы дает все, нарушение же является нарушением не только дружбы, но и подвергает опасности самое духовное существование отступника: ведь души друзей уже начали срастаться»³.

В Тифлисе Сергей Троицкий работает преподавателем русского языка и Закона Божия в 1-й мужской классической гимназии. Он частый гость в семье Флоренских, а когда Ольга уезжает на учебу в Строгановское училище в Москве, они ежедневно пишут друг друга письма. Родные Сергея не теряют надежду на то, что он продолжит поприще церковного служения его предков. Но пока он полностью поглощен своими чувствами к любимой девушке, живет ее интересами, принимает все, что ей близко и дорого. Летом 1909 года Сергей и Ольга побывали на даче Мережковских под Петербургом. Зинаида Гиппиус благосклонно встречает Сергея, надеясь, что и он примет их

² Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского. С. 444.

³ Там же. С. 447–448.

самых и их дело. А вот Мережковский переживает «попытку ревности». После «смотрины» некоторое время не пишет Ольге, а после перерыва обращается в своих письмах к ней на «Вы».

Смерть

Шестого июля 1909 года Сергей и Ольга обвенчались в Кукийской Александро-Невской церкви Тифлиса, дав обет любить друг друга до гробовой доски. Через год грянула трагедия. То, что произошло в Тифлисе 2 ноября 1910 года, даже на фоне недавних событий русской смуты своей бессмысленной жестокостью – поистине «по ту сторону добра и зла» – потрясло весь город и всю Россию. В том, что случилось, было и нечто мистическое, апокалиптическое, предзнаменательное. В этот день преподаватель 1-й тифлисской гимназии С.С. Троицкий на глазах своих учеников был заколот кинжалом гимназистом Шалвой Тавдгеридзе. По потрясенному городу ходили слухи, что убийство произошло на почве национальной ненависти, говорили, что убийца был одержим бесами...

Как бы то ни было, в той же церкви, где год назад свершилось венчание, 5 ноября прошло отпевание Сергея Троицкого. Его хоронил весь город, на Кукийское кладбище прибыли первые лица города, у могилы, усыпанной цветами, его ученики читали стихи. Следуя его предсмертному завету, Ольга и ее мать отправили на Высочайшее имя телеграмму, прося помиловать убийцу. Однако дело происходило после кровавых событий русской революции, еще действовали чрезвычайные меры, и убийца был казнен.

Со смертью Сергея для Ольги остановилась жизнь, наступило шекспировское «молчание небес». Она упрекала себя за то, что недолюбила, недоговорила, недосказала... Она стала искать смерти. Нет, она не могла совершить грех, наложив на себя руки. Но у нее так сильна была «воля к смерти», что она стала таять, словно восковая свеча. Мережковские настойчиво зовут Ольгу переехать к ним в Петербург. Ей невыносимо тяжело жить в Тифлисе, где все напоминает о недавней драме, но и трудно оставить семью. После смерти отца Ольги Александра Ивановича в 1908 году словно ураган обрушился на «райский остров», каким была семья Флоренских. Прокатилась череда несчастий. Через год после гибели Троицкого умерла от брюшного тифа годовалая Аля, дочь старшей дочери Флоренских Юлии-Люси. Распался ее брак с М.М. Асатиани, соучеником и другом П.А. Флоренского по гимназии и университету. Обнаружилась «семейная» болезнь Сапа-

ровых, туберкулез у среднего сына Александра Флоренского, студента Петербургского университета. Старший брат Павел к тому времени женился, принял священство, его семья ждала первенца, но все это было так далеко от Тифлиса, в Сергиевом Посаде, откуда отец Павел писал письма, ободрял. Ольга подолгу бывает у родных Сергея в Костромской губернии, мечется между Тифлисом, Москвой и Петербургом.

Что происходит в душе Ольги, когда в конце 1913 года она внезапно покидает Петербург, написав Дмитрию Мережковскому письмо, столь взволновавшее его и Зинаиду Гиппиус? В каких «призывах к крови» упрекает она своего друга и учителя, о какой «жертве» идет речь, понять трудно. Не только потому, что письмо Ольги не сохранилось. Мережковские, зная, что находятся под пристальным наблюдением полиции, избегают писать о том, что может вызвать к ним интерес Охранного отделения. Можно лишь предпо-

О.А. Флоренская. 1913

О.А. Флоренская с сыном П.А. Флоренского Василием. Сергиев Посад. 1913

лагать, что Ольге стало известно и об их тесных контактах во Франции с членами боевой организации эсэров, и о «царском деле», покушении на Николая Второго, которое готовил их друг Борис Савинков, о многом из того, что Зинаида Гиппиус называла «нельзя и надо». Этого «надо» Ольга не смогла разделить со своими друзьями, как не смогла стать для них полностью «нашей», войдя в их церковь «Третьего Завета». Ольга отправляется в Москву, чтобы быть рядом со своими сестрами, братом Павлом и его друзьями. Как собиралась начать она новую страницу в своей жизни? Или последнюю, предчувствуя скорое ее окончание?

Весной 1914 года здоровье Ольги резко ухудшается, и она едет домой, в родной Тифлис. Вскоре начинается Первая мировая война. 2 октября 1914 года Ольга ушла из жизни.

Мережковские категорически не приняли пролетарской революции. В конце 1919 года они вместе с Д.В. Философовым бежали в Польшу, где распалось их «троеобрание», и Философов ушел от них к Борису Савинкову. Мережковские поселились в Париже, в своей купленной загодя квартире на авеню Мерседес (ныне улица полковника Боннэ). Дмитрий Мережковский умер в 1941 году. Через четыре года скончалась Зинаида Гиппиус. Они пережили Ольгу на четверть века и были погребены за три тысячи верст от родины. Зинаида Гиппиус помнила и думала об Ольге, собираясь написать о ней и их дружбе очерк, о чем сообщала в письме к секретарю Мережковских В.А. Злобину 3 декабря 1922 года. Од-

нако этот замысел не реализовался. Помнил ли о ней, своем «тихом и светлом ангеле», Дмитрий Мережковский? Помнил ли поэт и человек девочку-женщину, в ком мерцали черты Беатриче и Лауры, Прекрасной Незнакомки и воплотившейся Вечной Женственности, столь близкой и недоступной, искомой и ускользающей, манящей и недостижимой, чаемой и влекущей, с вечной влюбленностью в нее? Помнил ли то, о чем таинственно и безмолвно промолчал в одном из своих стихотворений:

*Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне – я говорить не смею.*

*Но в близости ко мне живой души твоей
Как все таинственно, так все необычайно, –
Что слишком страшною божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.*

*В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.*

Здесь мы впервые публикуем письма разных лет Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус к О.А. Флоренской, а также фрагменты ее переписки с П.А. Флоренским и С.С. Троицким⁴. Письма даны без сокращений.

⁴ Авторы выражают благодарность игумену Андронику (Трубачеву), а также, за поддержку в подготовке материала, заводу экологических технологий и экопитания «Диод» и лично В.П. Тихонову.

О.А. Флоренская. Орнамент

Письма О.А. Флоренской, П.А. Флоренского, Д.М. Мережковского, З.Н. Гиппиус

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

*Конверт: Сергиев посад. (Московской губ.)
Духовная академия Е.В.Б.
студенту П.А. Г-ну Флоренскому
Штембели. Тифлис 24.5.06; Сергиевский посад
30.5.06*

*19 22/V 06¹ г.
Тифлис*

Дорогой Павля, наконец-то ты написал мне хоть три слова!

В гимназии занятия кончились позавчера. Еще только завтра пойду в последний раз, но уже уроков не будет. Теперь свободна и постараюсь заниматься. Тем более это возможно, что мы сидим в Тифлисе и, значит, бегать и гулять негде. У Шуры² экзамены все еще продолжают. Последний 3-го июня. Сдает хорошо, хотя, правду сказать, занимается не очень много, а в году они ничего не делали. В неделю хоть раз он с Колей³ уже непременно ходят на прогулку, а то и чаще. Папа сегодня какой-то больной. Не знаю, что с ним. Лиля⁴ простужена. Она усердно занимается социальным вопросом чуть ли не с утра (ее утра, конечно. Теперь оно начинается в 10 часов) до вечера. От Давида⁵ сегодня была телеграмма, что «все благополучно».

Андрейка⁶ целый день во дворе. Еле дозовешься его заниматься. Через каждые три строчки у него оказывается «больная голова» и «страшная усталость». Только задачи он довольно любит решать и решает быстро. Однако объяснять, вероятно, лень, и потому он просто выкладывает ответ и на все расспросы отвечает: «Прямо взял 12 и вышло 12... Сразу!» Больше ничего и не добьешься. Мама читает ему каждый

день. Это он тоже очень любит. Только не дай Бог, чтобы попалась «печальная» вещь. Тогда от жалости он начинает плакать и бить читающего со всей мочи. Иногда за уроком попадется чья-нибудь смерть или что-нибудь в этом роде. Тогда уж мне достается!

Ремсо тетя⁷ хлопочет по хозяйству или читает. Недавно перевела с французского «Зейтун», да так он и лежит у ней, конченный и переписанный. Занимается со мной немного армянским. Хочется мне поскорей понимать все, что читаю, да только очень долго что-то. Может быть летом дело пойдет быстрее. Что ты сейчас делаешь? Мне очень жалко, что ты не приедешь к нам на лето.

Читаю Достоевского, другие книги. Достоевский из всех русских писателей мне пока, по крайней мере, больше всех нравится. Когда пришлешь «проповедь»⁸, буду очень рада.

Рисую довольно много. Очень красиво бывает при закате. Забираюсь на чердак и смотрю оттуда, хотя и запрещено указом наместника выходить в слуховое окошко, и мама все сердится. Но из комнаты ничего не видно, за городом не бываю, т.ч. иначе очень скучно. Тобой очень интересуются (если только это слово подходит) мои друзья и все спрашивают, какой ты такой человек. А потом уверяют, что я должна быть ужасно счастлива с таким братом.

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Милый брат, скажи мне, пожалуйста, где сейчас Д. Мережковский? Не знаешь ли адрес его? Скажи. Ответь.

Валя. 19 28/X 06

¹ Здесь и далее воспроизводится написание оригинала, что в данном случае соответствует 22 мая 1906 года.

² Флоренский Александр Александрович (1888–1938) – брат О.А. Флоренской.

³ Вероятно, друг А.А. Флоренского.

⁴ Флоренская Елизавета Александровна (1886–1967) – сестра О.А. Флоренской.

⁵ Мелик-Бегларов Давид Сергеевич (1875–1913) – двоюродный брат О.А. Флоренской.

⁶ Флоренский Андрей Александрович (1899–1961) – младший брат О.А. Флоренской.

⁷ Сапарова Ренсимия Павловна (1865 – ранее 30-х годов), в замужестве Тавризова, Коновалова, сестра матери О.А. Флоренской.

⁸ Флоренский Павел. Вопль крови. Слово в неделю Крестопоклонную. Сказано в храме Московской Духовной Академии за литургией 12 марта 1873 г. от смерти И. Христа. Москва. 1906 г.

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

[Сентябрь 1907]

15 bis, Rue Théophile Gautier
Paris XVIe

Получил оба Ваши письма. Если бы Вы знали, как мне трудно писать письма, Вы бы не сердились на меня, что я не отвечал.

Я очень рад, что книги мои дали Вам некоторую радость, и очень бы хотел, чтобы они принесли Вам свет и сделали добро. В книгах моих много ложного, земного, старого, но есть и частица истины, и Господь да поможет Вам отделить эту Истину от лжи. Истина главная и единственная, разумеется, Христос – Богочеловек и Его Воскресение. Никто, кроме Христа, не может привести к Духу.

По письмам Вашим мне трудно судить о Вас и о том, что Вам нужно. Я не знаю, как Вы относитесь к церкви православной и к другим церквям? Совершаете ли Таинство? И если нет, то могли ли бы совершить таинство в правосл. церкви? И если нет, то почему? Не думаете, что можно спастись без Таинства и Церкви?

А затем, чтобы видеть и слышать Вас, я должен знать, кто Вы в самом реальном будничном смысле: девушка или замужем, сколько Вам лет, что Вы делаете, какое Ваше социальное положение и проч. проч. Простите за эти вопросы, – но иначе Вы для меня отвлеченность, и я не знаю, с кем говорю, и говорить очень трудно. Чем определеннее Вы о себе скажете, тем лучше.

Напишите, и если не сейчас отвечу – все-таки отвечу. Благодарю Вас за добрые милые письма. Христос с Вами. Помолитесь за меня.

Д. Мережковский

Д.С. Мережковский –

О.А. Флоренской

[Октябрь 1907]

15 bis, Rue Théophile GAUTIER
Paris XVIe

Вы не можете себе представить, как Ваше последнее письмо приблизило Вас ко мне! Я сразу точно увидел Вас, почувствовал, что Вы реально существуете, и захотелось узнать Вас ближе и ближе. Я знаю, что Вам было трудно писать и что мои вопросы могли показаться грубыми, но зато видите, какая польза из этого вышла. Один уже тот факт, что Вам 16 лет, объяснил мне очень многое. Ведь мне 42 года – между нами разница 26 лет – четверть века. Значит, Вы для меня *будущее*⁹, а я люблю будущее, и люблю и бесконечно им интересуюсь. Я ведь и сам себя чувствую тоже в будущем и вообще отнюдь себя стариком не чувствую. И думаю, что если бы мы с Вами когда-нибудь встретились и ближе познакомились, то Вы убедились бы, что и мне иногда бывает 16 лет. И Вы почувствовали бы себя со мною, как ровесница, если не во всем (о, конечно не во всем!), то во многом и может быть именно в том, что нам обоим наиболее дорого.

⁹ Курсивом обозначены подчеркивания в тексте писем.

Ольга Флоренская. Портрет сестры,
Ю.А. Флоренской. 1906

Все, что Вы пишете о невозможности для себя войти в церковь православную, принять ее окончательно, как последнюю и *единственную* правду, глубоко верно. Но ведь и без церкви жить нельзя. И вот тут-то и начинается все – начинается уже не отвлеченное, созерцательное, а жизненное недоумение: как быть?

Дом на улице Теофиля Готье в Париже, где жили Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус в 1907 г.

Но в письмах об этом очень трудно говорить. А все-таки пишите мне, пишите обо всем, что чувствуете и думаете, откровенно и просто. Ведь я такой далекий от Вас и все-таки в некоторых точках близкий к Вам – в наших отношениях может быть совершенное бескорыстие и та свобода, которая редко бывает в человеческих отношениях.

Один вопрос: не сестра ли Вы одного моего знакомого, тоже из Тифлиса – Флоренского, который был студентом в Московской Духовной Академии? Если Вы его сестра, то сообщите мне, где он и что с ним теперь.

У меня есть к Вам еще одна просьба, но сейчас я Вам о ней не напишу, а подожду Вашего следующего письма, которое, надеюсь, Вы напишете скоро? А на меня не сердитесь за промедление от-

ветом – я все это время был в разъездах и письмо Ваше пересылалось и следовало за мною.

Пишите больше *о себе* – это самое нужное. Если спросите меня обо мне, то я Вам отвечу так же откровенно, как Вы мне. Господь с Вами.

Д. Мережковский

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

[Октябрь 1907]

15-bis Rue Théophile Gautier
Paris XVI.

Нет, Вы ошиблись – Ваше письмо предпоследнее, как и все Ваши письма, мне очень нравится. Не ответил же Вам, во-первых, потому что вообще иногда трудно писать, особенно во время большой работы (это нежелание писать письма доходит до психопатии), во-вторых, потому что был «в других мирах», а из мира в мир переходят трудно, главное же – по моей общей духовной лени, тупости, косности, неумению дожить самым дорогим, по окаменению сердца («потому что сердце их было окаменело»), это обо мне сказано.

Ну простите же меня, милая. Как Вы могли хоть одну минуточку подумать, что я на Вас сержусь.

Очень, очень прошу, говорите со мною все, что хочется, «просто поговорите».

Лицо Ваше – родное, милое, как будто давно знакомое. Я радуюсь, что Вы такая, и еще больше радуюсь, что такая может быть мне близкою. Хотелось бы Вас увидеть и немножко боюсь. Уж очень я неумелый, *глупый сердцем*. Вы не смотрите, что у меня мысли умные, а сердцем я все-таки ужасно глуп. Не думайте, ради Бога, что я теперь с Вами кокетничаю, нет, я правду говорю. Вы очень умная сердцем – вот я и боюсь, что буду недостойным Вас. Ведь Вы меня все-таки страшно идеализируете: я не такой, как Вы думаете, – я только хочу быть таким, но может быть никогда не буду.

Ваш брат мне не написал, но это ничего, я его отлично понимаю – именно «чутьочку не православен». А хотелось бы знать, в чем собственно эта чутьочка.

А руки у меня не бледные, а смуглые и худые, как грабли. Но какие есть, даю Вам. А Вы дайте мне поцеловать Ваши руки. Знаю, что через пространство и время Вы почувствуете этот поцелуй, как будто я сейчас совсем близко к Вам.

Если напишете о себе какие-нибудь самые простые житейские подробности, буду рад. А впрочем, пишите, что хотите, – мне все от Вас радостно, девочка моя хорошая.

Помолитесь за меня Божьей Матери, и я за Вас Ей помолюсь.

Что Вы думаете о России? Мне иногда кажется, что в ней скоро будет страшное, страшнее всего, что было. Вот написал и как-то испугался. Дай-то Бог, чтоб этого не было. Ведь может быть и не будет? Хочется <верну>¹⁰ в Россию. Думаю, летом или будущей осенью! А вы как?

Если будете писать брату, попросите и его помолиться обо мне.

Христос с Вами – Христос с нами!

Д. Мережковский

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

15 bis, Rue Théophile GAUTIER
Paris XVIe

19 17/X 07

Благодарю за милое умное письмо. Что Вы пишете о «ненарушимой близости» нашей, принимаю с радостью, но с недоверием к себе: я гораздо хуже, слабее, серее (серый чорт – мой чорт, и я его неправильно объектировал), чем Вы обо мне думаете.

Ощущение «конца» мне близко до ужаса – тут мы ближе всего. Особенно верно то, что если он даже неимоверно далеко по времени, то он все равно – вот тут сейчас. Это вообще самое главное, как предпосылка нашего нового особенного отношения ко Христу (не только Хр[истос] пришел, но *придет*, уже идет). Впрочем, это лишь первая точка длинного пути, длинного и опасного, иногда и со срывами в демонизм.

Но боюсь отвлеченностей в письмах (т.е. слов, способов выражаться отвлеченно, потому что сущность-то реальнейшая). Лучше о простом и не менее важном. И вот самое важное: были Вы влюблены? Я знаю, что это трудно в 16 лет, но все-таки? Не думайте, что этот вопрос я задаю легкомысленно. Ведь тут опять-таки глубочайший узел всех наших новых религиозных переживаний. Тема о поле, о брачной любви есть одна из трех главных наших тем: 1) личность – дух и плоть, 2) пол, 3) общественность.

В категории пола человек сразу воплощается, реализуется, становится из отвлеченного конкретным.

Но если не хотите, не отвечайте. Я понимаю, что иногда не следует отвечать на такие вопросы даже самым близким людям. Только, повто-

рю, не думайте, что с моей стороны задал легкомысленно.

Ваш брат один из замечательнейших людей, каких я встречал в моей жизни. Если будете писать ему, напишите, что я его не забыл и никогда не забуду. Читал ли он «Последний Святой»¹¹? Если да, то что думает. Попросите его написать

Дом на авеню Мерседес в Париже, где жили Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус

мне. Я бесконечно ценю его мысли, п[отому] ч[то] бесконечно ценю правду старой церкви.

Сейчас у меня нет моей карточки: я не люблю и даже как-то суеверно боюсь сниматься. Но переломлю себя и скоро снимусь и Вам пришлю непременно. А Вы, не дожидаясь этого, очень прошу (в этом и заключается та просьба, о которой я Вам писал в прошлом письме) пришлите мне Вашу картину.

Вы спрашиваете какой я <...>¹² наружности. Хотелось мне Вам ответить, но, кажется, не могу. Знаете, у меня лицо «как у всех» – средний рус-

¹⁰ Зачеркнуто.

¹¹ Мережковский Д.С. Последний святой // Русская мысль. 1907, № 8/9, август-сентябрь. В этом очерке Д.С. Мережковский рассматривает проблему плоти и христианского аскетизма, излагает положения церкви «Третьего Завета».

¹² Слово неразборчиво.

27. XII. 1914
Tup...

ский интеллигент. Небольшой рост, черненькая бородка, лицо бледное, усталое. В глазах и в манере говорить есть некоторое безумство, юродство, от которых не могу отделаться. Ложная елейность, которая и многих обманывает. Серость, «лицерабельность» наружности (однако, – «ничего, довольно даже симметричный – мы думали, хуже) уходит в метафизическую глубину существа (серый чорт). Тончайший налет «транскомизма» на всей наружности.

Видите? Или ничего не видите? Похоже на тщеславную карикатуру? Но иначе к себе не подойдешь (иначе, чтобы к себе подойти, нужна святость).

Ну а Вы какая? Попробуйте-ка себя описать так же, как я себя описал. А знаете, Вы пишете письма, как истинная женщина, несмотря на Ваши 16 лет. Тонко и грациозно. Ну, а я не умею. Простите!

Нет, пока еще не молился за Вас. Но теперь помолюсь непременно и *от всего сердца*. Этому верьте! И Вы за меня помолитесь.

Жду скорого ответа. Да?

Христос с Вами.

Д. Мережковский

P.S. Сейчас пишу трагедию «Смерть Павла I» первая часть трилогии «Царство Зверя»¹³. М.б. поставлю здесь – в России не цензурно (религиозная ложь самодержавия).

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

[Апрель 1908]

Hôtel d'Yéna
Paris (16me)

Оля, столько хочется написать, о столько переговорить и спросить, что руки опускаются писать. Мне все кажется, что Вы мало пишете, а Вам – что я. Да, по необходимости все письма незначительные и пожалуй, чем незначительней, тем лучше.

Мы опять проездом в Париже – на два дня.

Едем в Германию. Теперь наш адрес:

Allemagne Homburg v.d. Höhe Villa Royale

Туда и пишете. Мы там пробудем недели <две>¹⁴ три, четыре. Что Вы пишете об ужасной

Ольга Флоренская. Портрет В.Ф. Эрна. 1914

непроходимости людей (на пароходе – «где уж тут новая церковь!») – верно, я это и сам часто чувствовал и теперь чувствую. Но ведь эта непроходимая, косность (мертвая материя, а не плоть и даже не тело) и во мне самом. И один луч, как меч, прорезал ее: ведь Христос был воистину человек (вот одним из таких как на пароходе – не отличишь от других – человеком и самым обыкновенным лицом – в высшей степени «как все» и «лицо, как у всех» – помните у Тургенева?) Мы страшно легко забываем, что Он был не только Сыном Божиим, но и Сыном Человеческим. А если Он был и есть в той непроходимой паровой толпе, как и в моем непроходимом костюме толпы, – значит и «непроходимая» уже пронизываема. Глупо пишу. Ну да Вы поймете.

Милая, зачем у вас все «грусть и муть»? Пусть будет светло хоть на минуточку, когда это прочтете. Ведь я у вас есть, ведь я Вас люблю. Чем больше живу, тем больше чувствую, что люблю.

¹³ Первая часть второй трилогии Д.С. Мережковского «Царство зла» – драма для чтения «Павел I» (Русская мысль. 1908, 2). В том же году вышла отдельной книгой в издательстве М.В. Пирожкова, СПб. Вскоре на нее был наложен арест, весной 1910 г. начато судебное преследование издателя и автора за «дерзостное неуважение к Верховной власти», но «за неразысканием» второго обвиняемого дело было отложено на осень. Суд состоялся 18 сентября 1910 г. Оба обвиняемых были оправданы, конфискация с издания была снята.

¹⁴ Зачеркнуто.

И радуюсь <все больше>¹⁵, что я Вас так *ни за что* полюбил. Не ожидал я от себя такой прыти! Ведь я Вас именно ни за что ни про что люблю, т.е. так, как следует. Вот Эрн¹⁶ и Ельчанинов¹⁷ любят Вас за то, что Вы «добродетельная» и «непорочная». А мне это даже в вас и не нравится. Родина Ваша «грусть и мусть». Ага, мол, и до нее дошло. И она мутится, мучится. Пусть помучится, пусть помучится. Не все же коту масленица. Какое-то любящее злорадство или сообщничество. О Господи! я ли не знаю этой грустной мути. В ней, можно сказать, только и плаваю. Ну вот теперь вместе поплаваем. Все-таки веселее.

себя», потому что смерть пришла, а смерть и есть «жало греха». Победил смерть, но ведь сначала принял и теперь все еще *в нас* принимает. Мы умираем – и Он с нами. Мы грешим – и Он с нами. А праведные, святые недоумевают: что это Он все с грешниками. Не Сам ли грешник? «Врачу, исцелися Сам» – это, может быть, Он и себе иногда говорил.

Тут, может быть, и до «ереси» (брат Павел так бы и сказал: «чутьочку не православно»), до кощунства недалеко. Ну да за Вас я не боюсь: Вы поймете, что я это говорю *православно*.

Эта Мариэтта¹⁸ нам написала, что мы, пожалуй, «православнее», чем Эрн и Флоренский. Не

Париж. Гранд Опера. Почтовая карточка. Начало XX в.

Не бойтесь. Я ведь и плакать умею вместе. Вот будем вместе и поплачем – и легче станет, родненькая моя, бедная. И Он, Человек «с лицом как у всех» поплачет с нами вместе. И Он, бедный, бедный – беднее нас всех. И Он, как мы, *грешный*, да, грешный, хотя и страшно это сказать – но ведь не пустое же это слово, что «грехи наши Он принял на

знаю, так ли, но хотелось бы, чтобы так именно было. Дай-то Бог!

А за Вас я часто и крепко теперь молюсь. Только почему-то не Божьей Матери, как Вы мне пишете, – а Христу. Он к Вам теперь ближе, чем Она. А Ей молюсь о себе. Она мне ближе иногда... Вы это поймете. Толком я не умею сказать...

¹⁵ Зачеркнуто.

¹⁶ Эрн Владимир Францевич (1881–1917) – соученик П.А. Флоренского по 2-й тифлисской гимназии и Московскому университету. Религиозный мыслитель, историк философии, публицист, один из организаторов созданного в феврале 1905 года Христианского братства борьбы; в ноябре 1906 года участвует в основании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, в марте 1907 года в создании при нем Вольного богословского университета. Преждевременно скончался от нефрита в 1917 году на квартире своего друга Вяч. Иванова в Москве.

¹⁷ Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934) – одноклассник П.А. Флоренского по 2-й тифлисской гимназии. По окончании Петербургского университета год учился в Московской Духовной академии. Был первым секретарем Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, читал лекции на Высших женских курсах, преподавал в тифлиских гимназиях. Покинул Россию в 1921 году. Был одним из организаторов и руководителей Русского Студенческого Христианского Движения. В 1926 году по благословению отца Сергия Булгакова принял священство. Умер в Париже.

¹⁸ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – писатель, публицист. Училась на Высших женских курсах Герье в Москве, в 1909–1911 гг. жила в Петербурге, была близка кругу четы Мережковских.

Ну сундуки готовы – надо ехать. Я люблю так скитаться. Если бы можно, <я бы>¹⁹ так всю жизнь проскитался. Как хотелось бы осенью не возвращаться в Петербург, а поехать в Грецию, а оттуда в Египет. Да нельзя. Декабристы²⁰ ждут.

А Вы приедете зимой в Петербург? Что-то не верится, что не приедете. Напишите подробно и точно и реально (насколько возможно, знаю ведь, что трудно, почти невозможно), как у Вас отношения с Сережей.

Христос с Вами. Будьте радостной, верьте, что Он с Вами и никогда не оставит, – только бы мы Его не оставили. Да ведь не оставим же!

янии. И еще слабы мы, чтобы с нею бороться. Но вот сегодня взглянул на Вашу карточку и почувствовал, что Вы близкая, несмотря на пространство, можете стать вдруг ужасно близкой – и ведь станете же когда-нибудь? Должны же мы, наконец, увидаться. Мы возвращаемся в Россию или среди лета, или к осени (к Сентябрю). О, если бы Вы тогда могли приехать в Петербург! Или в Москву к брату (милому, тоже родному мне, хотя и далекому) – мы бы списались, и я бы туда приехал к Вам. А в письмах ничего я не умею сказать – оттого и молчу, как мертвый. Но Вы знаете, что я не мертвый, а живой. И прощаете, и любите меня –

Санкт-Петербург. Невский проспект. Почтовая карточка. Начало XX в.

Люблю всегда и помню. А все-таки страшно, что так далеко. Неужели же зимою не увидимся? Все почему-то кажется, что увидимся.

Дмитрий

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

[Апрель 1908]

Христос воскрес.

Милая, так я виноват перед Вами, что даже извиняться не знаю как. Вот что значит пространство – Вы даже подумали, поверили на одно мгновение, что я умер. Да, смертная сила есть в расто-

все покрываете Вашей любовью. Ко мне у Вас такое материнство, несмотря на Ваши 16 лет²¹.

Все это время было для меня и для нас всех очень тяжелое. Ведь нам предстоит возвращение в Россию. И Бог весть, что нас там ждет. Главное, что нас, особенно меня лично, невыразимо мучит, это наше отношение к церкви, в которой ведь все же есть подлинная правда Христова. Как Ваш брат говорит: «Мережковский чуточку неправославен». Ну вот эта «чуточка» меня и мучит. Истина ли в ней или ложь? Страшусь всякого самоутверждения, «восхищения недарованного». Этой моей «чуточки» ищу в других и не нахожу. И никто даже не хочет или не может мне указать ее, т.е. чем именно я неправославен. Ведь,

¹⁹ Зачеркнуто.

²⁰ Так Д.С. Мережковский называет свой будущий роман «14 декабря».

²¹ Мережковский говорит о возрасте О.А. Флоренской по старой памяти – ей в это время 17 лет.

О.А. Флоренская. Портрет С.С. Троицкого. 1907

пожалуй, эта чуточка – весь Божий мир, хотя и «лежащий во зле», но все-таки «Божий»? Кстати, что Вы думаете о последней статье Вашего брата, помещенной в «Религии и Жизни»?²² Статья эта показалась мне очень глубокой и значительной. Но согласиться с ней окончательно я не могу. Не весь Христос в аскетическом христианстве. А если весь, то, значит, мы все – на ложном пути. И уж мы тогда не «чуточку» не православны, а совсем еретики, совсем прокляты. Понял ли Ваш брат вопрос, поставленный мною и нами всеми об аскетизме? Пусть мы неумело ставим этот вопрос, грубо, невежественно, не богословски. Но ведь есть же в нем что-то подлинное, жизненное, такое, чего еще никогда не было в христианстве – такое страшное недоумение, такая боль и беспомощность. Напишите брату, спро-

сите его, читал ли он мою книгу «Не мир, но меч»²³ и что он о ней думает? О многом, о многом хотелось бы еще спросить Вас. Главное, как Вы сами для себя разрешаете вопрос о церкви (т.е. где совершать таинство)? Но обо всем этом писать невозможно. Надо говорить лично.

Сейчас, т[о] е[сть] через несколько дней уезжаем из Парижа. Пришлю Вам скоро мой новый адрес. Умоляю, простите меня, что так долго не писал, и пишите мне чаще, не смотря на мои молчания. Только бы не потерять друг друга из виду окончательно. А как свидимся, так обо всем уговоримся и уж потом будем вместе. Мне все кажется, что Вы мне во многом поможете. Не даром же мы так странно, почти чудесно встретились.

Ну, Господь с Вами, моя милая. Знаю, что Вы за меня молитесь и что Ваша молитва к Богу доходит. И я за Вас молюсь.

Любящий Вас

[Д. Мережковский]

Д.С. Мережковский –

О.А. Флоренской

25/XII 1908

Рождество

Оля, получил письмо Ваше дня три тому назад, но захотелось Вам ответить в Рождество Христово. Вчера я был один в церкви <приходской>²⁴, старой моей, милой приходской Пантелеймонской, где я бывал в детстве. Там было очень хорошо. Я свечку поставил Матери Божией. Теперь, когда я молюсь ей, то и о Вас как-то невольно вспоминаю. А ночью мы все у себя молились перед образом и зажженной елкою, нашими собственными молитвами и церковными тоже молились. И хорошо было тоже, *по-другому*.

Оля родная, какая бы мне была радость, какое спасение молиться с Вами! Да, оно уже так и выходит. Я знаю, что Вы со мною молитесь и я с Вами. Но хорошо бы, чтобы не было между нами 3000 верст. Вот как победить эти 3000 верст? Я их все-таки очень боюсь. И боюсь писем. Ничего не умею написать, как следует. То недоскажешь, то перескажешь. А когда Вы молча смотрите в мои

²² Религия и жизнь. Сборник статей. Под ред. В.А. Говорова. М., 1908. В сборнике опубликовано Письмо – глава «Тварь» «Столпа и утверждения Истины» Павла Флоренского.

²³ Мережковский Д.С. «Не мир, но меч». К будущей критике христианства. Статьи. СПб, 1908. «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 12.14). К образу евангельского меча Д.С. Мережковский возвращался неоднократно.

²⁴ Зачеркнуто.

глаза, то говорить не надо – все так просто. Тогда знаю, что Господь послал мне Вас.

Да, боюсь писать, отвечать на Ваше письмо боюсь. Вот Вы пишете:

*Страсти земные давно отгорели,
Несть ни печаль, ни болезнь...*

Но ведь это неверно! Не отгорели страсти. В них есть тоже вечная правда Божья, хотя и смешанная с не-Божьим. Пока я жив, я не хочу «бесстрастия». Пусть будут и «печаль», и «болезнь». Это все-таки жизнь, и я, живой, от жизни не могу и не хочу уйти. «Несть ни печаль, ни болезнь» – это из панихиды. Колыбельная песнь превращается в панихидную. А нельзя же петь панихиду над живым. И разве Вы могли бы любить живого, как мертвого? Значит, я не так понял или Вы не так сказали? Знаю, что если бы Вы были со мною, то все объяснили бы одним взглядом. Молча, объяснили бы. Но вот 3000 верст... Надо, впрочем, их принять как «данное», но не как «должное». Надо их преодолеть.

И кроме 3000 верст – пространства, между нами и время – 25 лет, четверть века легло между нами.

О.А. Флоренская – С.С. Троицкому

*Конверт: Тифлис Николаевская 61. Е.В.Б.
С.С. Троицкому
Штемпели: С. Петербург 24.1.09; Тифлис
30.1.09*

*Утро 24, I, 1909. Суббота
Петербург*

Мне сказали, что два твоих письма лежат у Нейминых (я думала, что их пересылают сюда). Кончу письмо и пойду взять. Вот уж я 3 дня без писем.

Занятия мои все еще в неизвестности. Философов²⁵ обещал разузнать и написать. А завтра пойду с Млокаевич²⁶ к одному из профессоров Академии. А пока как-то тяжело без работы.

Была вчера в музее Академии Наук. Успела посмотреть только зоологический зал. Сегодня, верно, пойду в Эрмитаж.

Милый, вот ведь уже почти две недели прошло. Время мчится. Лишь бы не даром...

У Мережковских позавчера была весь вечер. Философов любезен, З.Н. более чем приветлива, Д.С. заботлив как отец. Он меня много бранит. Я этому рада. Д[о] с[их] п[ор] меня или бранили не зная и не понимая, не принимая во внимание мое «я», или же, как ты, как Рара²⁷ и др., не видели будто плохого.

З.Н. за обедом (у них обед около 8 ч.) рассказывала о своей молодости, о том, как она танцевала, читала Надсона²⁸ и знать ничего больше не хотела, как Д.С. писал ей стихи, а она его «вокруг пальца оборачивала»...

Я себя у них чувствую очень просто, спокойно, будто дома. Д.С. дает все время прочитать то или другое, удивляется, как я ни того, ни этого не знаю... Был он нездоров, кашлял и укутан в плед. Я дала ему читать «Антихриста», и он (мне это очень полезно и много очень дало) разобрал его, едва просмотрев несколько страниц. Говорит, что по Андреевски²⁹, не просто написано. И прав. Только я теперь долго писать не буду, а может и никогда, если почувствую, что совсем другим стилем могу писать.

Не знаю, но мне с Д.С. так просто, спокойно, иногда он папу так как-то вдруг напоминает, что я ничего в нем не боюсь и спрашивать кажется вовсе ненужным. А руку целует так осторожно, тихо, что о страсти тут и речи, и мыслей даже не может быть.

О твоём письме сказал, что слова «верую в нее» испугали его. Тут то, о чем я тебе всегда говорила. Ты слишком высоко меня ставишь, родной. Я ниже и хуже несравненно. А Д.С. говорит, что здесь опасность принять символ Вечной Женственности, каким является женщина, за само воплощение ея. <Но любовь что тогда?>³⁰ Рассказал по этому поводу о Белом³¹, говорит, что, вероятно, именно такая любовь привела его к тому, что он сейчас...

²⁵ Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – литературный критик и публицист, сотрудник ряда периодических изданий – «Новый путь», «Речь», двоюродный брат С.П. Дягилева, близкий друг и единомышленник Д. Мережковского и З. Гиппиус («союз трех»), в доме которых в Петербурге, в Париже он жил на протяжении многих лет. В 1919 году эмигрировал в Польшу, где стал соратником Бориса Савинкова, руководителем газеты «За свободу!» вплоть до ее закрытия в 1932 году, газет «Молва» и «Меч».

²⁶ Млокаевич – тифлисская знакомая семья Флоренских.

²⁷ Рара – тифлисская подруга О.А. Флоренской.

²⁸ Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) – поэт, которому Д.С. Мережковский посвятил стихотворение «Смерть Надсона», прочитанное в 1887 г. на литературном вечере его памяти.

²⁹ Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – писатель, о творчестве которого Д.С. Мережковский отзывался резко критически в статьях «В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве», «Сошествие в ад» и других.

³⁰ Написано на полях синим карандашом.

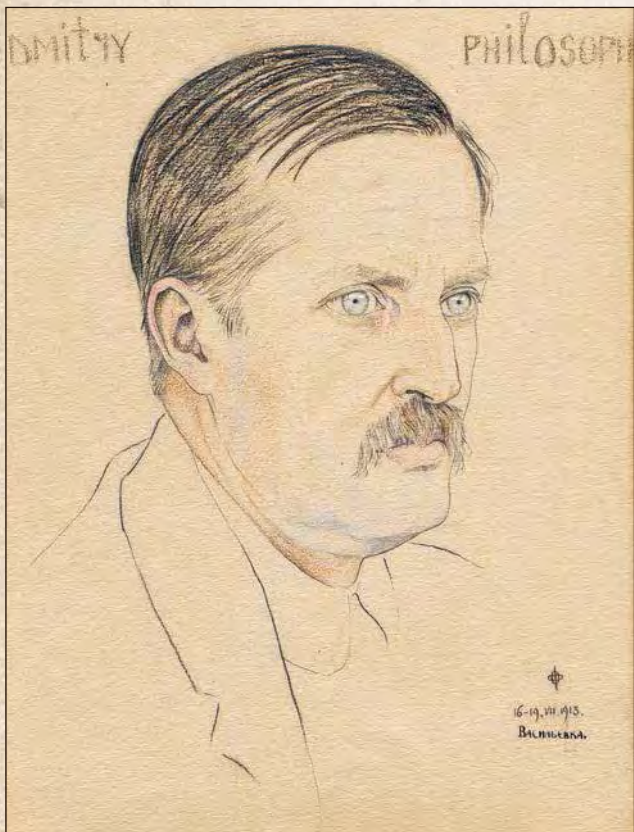
³¹ Бугаев Борис Николаевич (псевдоним Андрей Белый) (1880–1934) – поэт и писатель, теоретик символизма. Друг четы Мережковских и П.А. Флоренского.

Родной, милый, если бы ты посмотрел на меня такую, какая я есть... А то бывают тяжелые минуты.

Пока почти ничего не делаю. Начала только вчера лепить фигуру. Читаю сейчас я Философова – «Слова и жизнь»³². Ты знаешь этот сборник? Мысли хорошие, знакомые и довольно определенно разработанные. Много общего с Мережковским. Да ведь у них каждая мысль, пожалуй, сообща как-то рождается. А Ф[илософов] вон не позволил даже З.Н. рассказывать о своем разговоре, чтобы Д.С. «не плагиировал» «Конец Печорина»³³. Еще дорогие мне слова М[ережковск]ого – «А учиться надо, непременно надо» – слова ласковые и строгие.

Ну, вот сколько рассказываю. Ты даже верно скажешь – «слишком уж много»...

А Шура меня спрашивал снова, как это ты говорил, что никогда не женишься. Мне очень тяжело слышать подобные вопросы, п.ч. отвечать на них нельзя, получаешься как бы виноватой. Все как-то грустно.

О.А. Флоренская. Портрет Д.В. Философова. 1913

Милый, дорогой, помолись обо мне.
Целую твои губы. Целую тебя много.
Христос будет с тобой.
Все твоя Оля.

Рара давно сказала поклон передать, да я позабыла. Жалко, что она не здесь. Тете и Л.В.³⁴ привет. Только не говори при Л.В. и маму попроси не говорить, если я пишу что либо в несколько мрачных тонах. Он это потом все поминает, не понимая.

О.А. Флоренская – С.С. Троицкому

3 ч. дня 30, I, 1909.
СПб 14-ая л., 35, 11

Милый, здравствуй...

Вот только пришла из университета – хотела записаться на вечерние рисовальные занятия. Там голая натура – самое главное. Но сегодня не удалось и надо отложить почти на неделю – отчаяно долго.

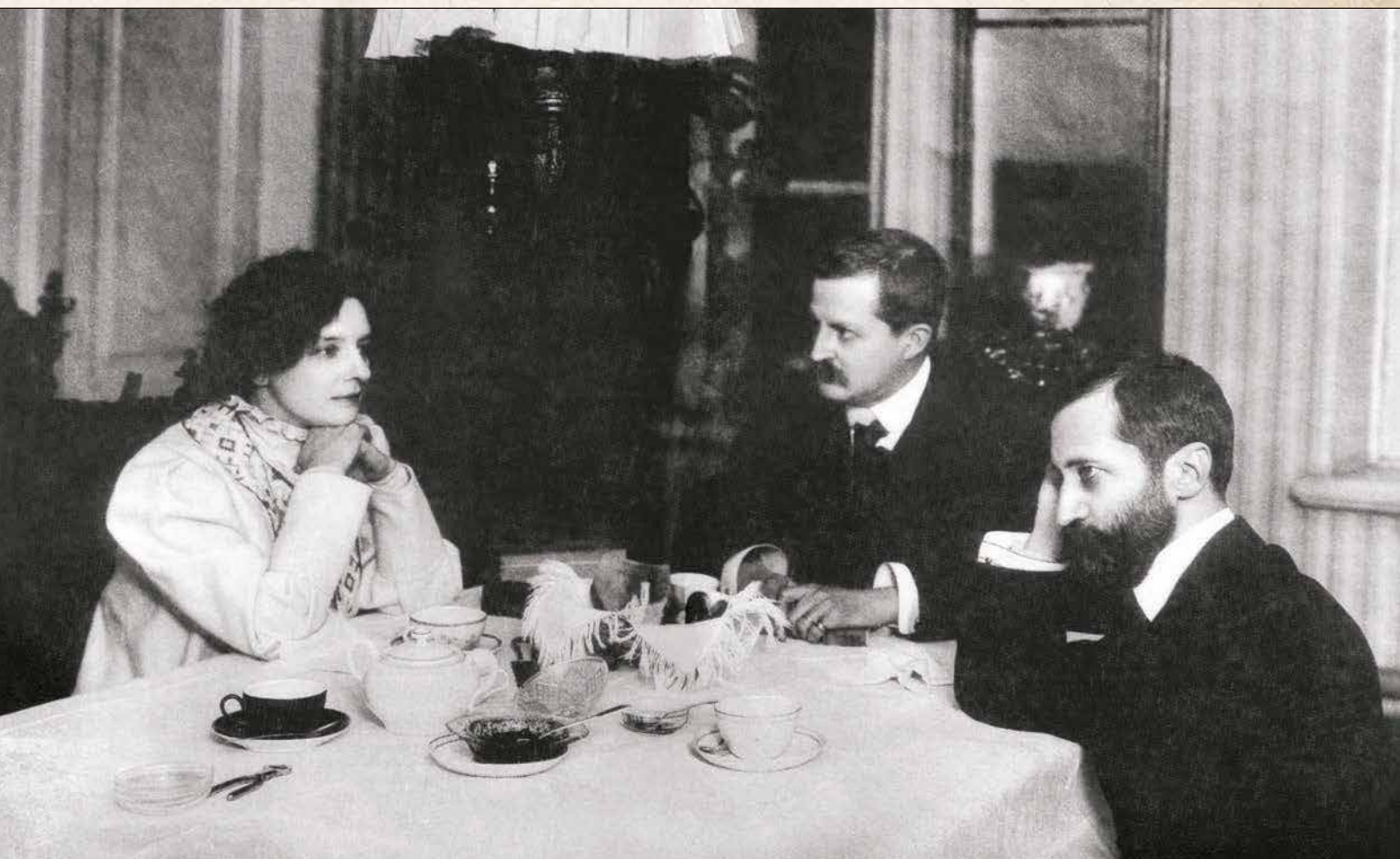
Вот уже 2 недели почти как я здесь, а нигде не поступила. Бранить меня надо. В университете видела зоологическую лабораторию и студентов посмотрела (удивительно неинтересные и часто глупые лица). Как сильно тянет залезть в уютную скорлупу студентки-естественницы, резать рыб и т.п., и успокоиться, и так жить изо дня в день, погруженной сплошь в «серьезное» занятие. Это было бы так легко и спокойно. Но... а дальше-то что? Сейчас всякий осудит меня за безделье. Да, внешне у меня нет систематических занятий и я теряю дни. Но если бы знали, как я этой систематичности ищу и хочу. Что же мне делать? Только ждать приходится и надеяться. А на мой взгляд (но, жаль, он *только мой*) время это мне много дает: я смотрю и вижу много нового – это очень важно для художника. Это я всегда хочу иметь и отстаивать как необходимое.

И еще важное, милый – когда так кидаешься, острее, и больней, и глубже разрабатывается в голове всякий вопрос. И основной вопрос жизни – вопрос мира, жизни, Церкви – он уясняется, задеваемый со всех сторон. В голове много мыслей. Тороплюсь схватить, да как-то и писать будто не стоит – мало ловишь.

³² Философов Д.В. На распутье // Слова и жизнь. Литературные споры новейшего времени (1901–1908). СПб, 1908.

³³ Имеется в виду Печерин Владимир Сергеевич (1807–1885) – поэт, мыслитель, находился под влиянием французских социалистов-утопистов. Покинул Россию в 1836 г., в 1840 г. принял католичество, переписывался и встречался с Герценом и Огаревым. Вероятно, в доме Мережковских говорят о нем в связи с тем, что в это время издательство «Путь» планировало выпустить посвященную ему монографию.

³⁴ Коновалов Леонид Васильевич – супруг Репсимии Павловны, тетки О.А. Флоренской, генерал, расстрелян в Киеве в 1920 г.

З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов и Д.С. Мережковский

Вот основное, что сейчас меня занимает, – теория строения вещества. Всеобщее воскресение. Анатомия ч[еловече]ского тела. Церковь.

Прочла «Столп и утверждение истины»³⁵ почти в один присест. Я не знала, что так интересно.

Вчера получила Грайо³⁶.

Вот тебе новые стихи. (Не удержалась от слова) –

Нет, не клонись предо мною –

Я только ждущая.

Верой с тобою одною

Верю в грядущее.

Мне ль познавать несказанное

И сокровенное?

В мире я – странница странная,

Я – переменная, тленная...

Дай-ка, помолимся с верою

В призрачность тления –

Верую, Господи, верую

В день воскресения!

Вместе со словарем, если придется его пересылать, пришли, пожалуйста, Армянскую рукопись с искушениями, что в столовой над столом висела.

Вчера написала Нестерову³⁷. И сама не знаю – зачем. Тоскливо что-то. Порой неверие в себя находит. Ну, прости.

Господь с тобой.

Маме передай поцелуй. Верно, она мной недовольна за мою «неопределенность»...

Вчера Д.С. заходил, да нас дома не было.

³⁵ «Столп и утверждение Истины» – первая редакция фундаментального труда П.А. Флоренского, вышедшего в 1908 г. в сборнике «Вопросы религии» (вып. 2), легшая в основу его магистерской диссертации, защита которой состоялась 19 мая 1914 г.

³⁶ Грайо Анри – французский историк, религиовед, специалист по культу фригийской богини плодородия Кибелы.

³⁷ Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) – художник, к тому времени автор картин «Под благовест» (1895), «Великий постриг» (1898), «Пустынный» (1889), «Видение отроку Варфоломею» (1890), «Святая Русь» (1906), а позже, в 1917 г., картины «Философы», где изображены о. Павел Флоренский и С.Н. Булгаков.

З.Н. Гиппиус

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

<Hôtel Bellevue>³⁸
24/11 Июля 1909.

Оля милая,

Мы уехали из Парижа и поселились в Нормандии на берегу океана в рыбацьем домике. Здесь пробудем недели две. Напишите сюда:

Villerville (Calvados) France. Poste restante.
Франция.

Мы получили письмо от Мариэтты – она любопытно пишет о Вашем брате Павле, который страшает ее нами, главным образом, З.Н. Она Вам сама напишет. Прелюбопытно. До чего они все нас ненавидят! И как мало знают!

Ну, Господь с Вами. Все письма Ваши получаем.

О браке Вы верно пишете. Да, грешники мы. Но не здоровые имеют нужду во враче, а больные. Пусть Он с нами делает, что знает и хочет. А мы к Нему идем, и никого у нас нет, кроме Него. Знаем, что не отвергнет нас.

Любящий Вас

Дмитрий

З.Н. Гиппиус – О.А. Флоренской

11 Июля 09

France Villerville sur Mer (Calvados)

Милая Оля!

Сегодня 11 Июля, Вы именинница, целую Вас мысленно и думаю о Вас. Думаю смешанно: и с отрадой, и с грустью. Отрада – оттого, что Вы такая хорошая и тихая, оттого что Вы помните меня и верите мне... а грусть – при мысли, что мы долго не увидимся, что Бог весть, когда будем и будем ли еще, вместе; а между тем кажется иногда, что не добро нам всем быть врозь. Вам это никогда не кажется?

Недавно, в Париже, я получила от Мариэтты (вы о ней спрашивали) письмо, которое очень меня расстроило. Письмо длинное, жаль, что вы его не прочтете. Она описывает, как все в Москве собирались ежедневно (теперь), чтобы «охранять» от нас и от меня в особенности (Волжский³⁹, Новоселов⁴⁰, Ельчанинов и Булгаков⁴¹), «спасали ее душу», истомили ее до болезни, и наконец выписали специально вашего брата, с которым оставили ее наедине. А он взял лист бумаги и ничего не нашел лучше, как написать про меня такую гадость, что вслух сказать не решился, и дал лист ей, а сам в окно взор отвел. Мариэтта, как прочитала, захохотала ему в лицо и ушла, с мыслями: а, вот они аскеты-то, о чем думают! За ней побежали все на лестницу, кто ждал конца свидания, но она осталась.

³⁸ Название отеля зачеркнуто.

³⁹ Глинка (псевдоним Волжский) Александр Сергеевич (1878–1940) – религиозно-философский публицист, критик, историк литературы.

⁴⁰ Новоселов Михаил Александрович (1864–1938) – религиозный мыслитель, издатель «Религиозно-философской библиотеки», создатель «Кружка ищущих христианского просвещения», в который входили С.Н. Булгаков, Г.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, В.С. Свенцицкий, С.П. Мансуров, А.В. Ельчанинов, о. Иосиф Фудель, А.С. Глинка (Волжский). Принял монашество, в 1928 г. был арестован, в 1938 г. расстрелян. Русской Православной церковью причислен к лику святых.

⁴¹ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – философ, богослов, критик, публицист, в 1918 году принял сан священника, жил в эмиграции и умер в Париже.

Да, вот аскеты, вот церковники! Смиренны очень... Не хочу Такого смирения. А Мариэтта, кажется, очень глубокая и умная.

Здесь хорошо, тихо, мы живем в нормандском домике. Океан – совсем особенное дело, он живой, дышит, по песку бегают боком крабы, точно зеленые пауки. Я люблю дыхание океана, дым волн, люблю больше, кажется, чем лес и цветы.

До свидания – когда?

Ну, напишите мне, если захочется.

Ваша Зина

Адрес сверху.

Вы спрашивали, когда мы венчались: в воскресенье, в 2 ч. дня 8 Января 1889 г.⁴²

З.Н. Гиппиус – О.А. Флоренской

22.XI.09. СПб
Литейный 24.

Милая Оля, нисколько мы Вас не забыли, и каждый про себя часто Вас вспоминает, и говорим о Вас часто. На последнее Ваше письмо я всякий день хотела Вам отвечать, но Вы знаете, что письма! Трудно взяться, когда нет надежды на скорое свидание и, главное, когда досадуешь *живо*, что, вот, случилось почему-то, что разъехались, а почему и зачем – смысла в этом не видишь. Овладевает бессильное равнодушие. Может быть и есть какой-нибудь смысл, но кажется, что больше было бы, если бы мы жили в одном городе. И эту мысль никак не прогонишь.

Кроме того – мешает Вам писать еще то, что мы Вашу реальную жизнь сейчас не можем вообразить. Я вижу тифлиссские улицы, но Вас не вижу. Мы ничего о Вас не знаем, не знаем, кто Вас окружает, с кем Вы разговариваете, кто Вас любит больше, кто меньше. Даже не знаем, почему Вам писать надо опять на прежний адрес с кем Вы живете, с мамой, с Сережей, с обоими ли, и венчались Вы с Сережей, или будете венчаться – ровно мы ничего не знаем. А ведь насколько об этом легче в письмах написать, чем о том, о чем Вы нас в сегодняшнем письме спрашиваете! Что мы знаем! А как думаем... Думаем мы то же, что и прежде думали. Только сделались скромнее и тер-

Д.С. Мережковский

пеливее. На самые «маленькие дела» хотим пойти. Наше Общество⁴³ превратилось в «публику», и мы собираемся его передать (более или менее) людям с чисто-философским укладом мысли, а сами уйдем в маленькую секцию, где будем беседовать с кучкой «простых людей». Как это выйдет – я еще не знаю, и выйдет ли. Напишу Вам после об этом. А Дм. Серг., верно, писал Вам о нашем сближении с еп[ископом] Михаилом⁴⁴ и о том, что стало на пути к полнейшему сближению? Скажите, что обо всем этом думаете.

Какая темнота стоит, угнетающая, снег превратился в рыжую жидкую грязь, я совсем не выхожу даже. Впрочем, у нас в доме не переводятся инф-

⁴² З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский обвенчались 8 января 1889 г. в храме Архангела Михаила в Тифлисе.

⁴³ Петербургское религиозно-философское общество было открыто по инициативе Н.А. Бердяева по модели Религиозно-философского собрания, закрытого в 1903 г., но, в отличие от него, без участия представителей церкви. После возвращения Мережковских в Россию инициатива перешла в их руки. На заседаниях общества велись дискуссии о неонародничестве и марксизме. Мережковские пытались открыть отделения общества в других городах страны. Однако вскоре работа общества свелась к околотитературным дискуссиям.

⁴⁴ *Епископ Михаил* (Семенов Павел Васильевич, 1874–1916) – духовный писатель, публицист, участник Петербургского Религиозно-философского собрания, перешел в старообрядчество, возведен в сан епископа, издавал журнал «Новая земля». Единомышленники называли его «апостолом XX века». О нем в статье «Земной Христос» Д.С. Мережковский пишет: «Вот где для него самая страшная опасность: не соединения, а только смешения религии с революцией».

люэнцы, Дм. С. уж, кажется, третий раз только что был болен, а за ним я. Стараемся никого не принимать, но люди все-таки приходят, иной раз ужасно несчастные, так что и отвернуться от них грех.

Милая Оля, не забывайте нас, пишите всякий раз, как немножко захочется, и если я даже не отвечаю – это значит я просто больна или устала, и я всегда отвечу, потому что всегда помню Вас. Если бы только была какая-нибудь надежда, – виделась вдали, – что мы опять станем жить в одном городе!

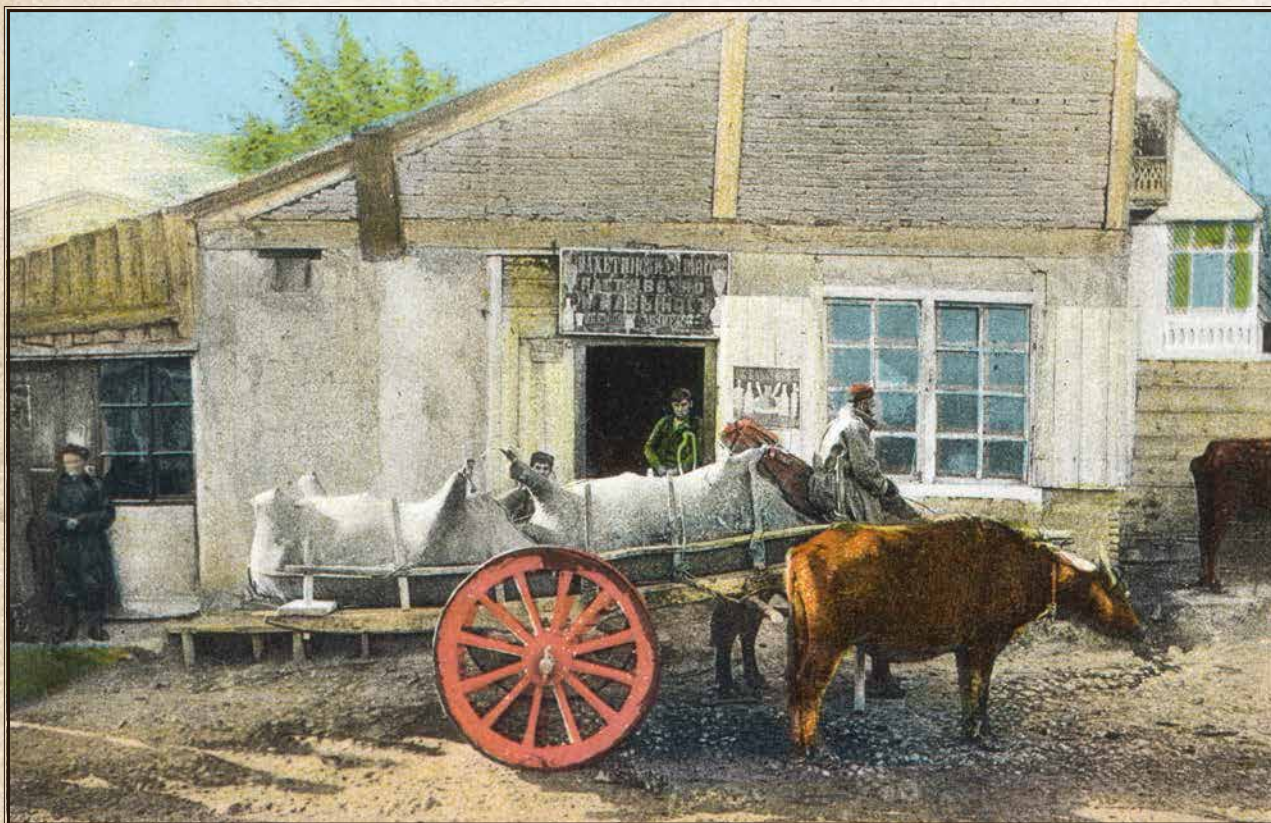
Христос с Вами.

Ваша Зина Г.

Не бойтесь, Оля, моей смерти. Сначала будет великая радость для всех нас и уже потом смерть. Смерть будет в радости. Но тогда и смерти не будет.

Вы в последнем письме (от 22 Марта) – слабая, слабая – и я вас такой еще больше люблю. Хочется Вас как ребенка ласкать и баюкать. Роденькая моя, не бойтесь ни смерти, ни жизни – ничего не бойтесь – ведь я у Вас есть и Вы у меня, и мы все у Вас, Вы уже не одна и больше никогда одной не будете.

Если бы Вы знали, как помогают мне Ваши письма! И самые грустные, слабые, одинокие

Тифлис. Духан. Открытка начала XX в.

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

С апнес
4 Апреля. 1910. Воскресение

Все письма Ваши получил, Оля родная. Из Петерб[урга] тоже переслали. Как я рад, что Вы решили к нам приехать летом. Только когда будем жить вместе, окончательно сойдемся. Я-то уже с Вами сошелся – Вы мне вся родная, но Вам нужно быть такою же родной и Зине и Д. Вл. [Философов]. И это будет, теперь я знаю, что это будет наверное. Нужно вам войти в наше и Вы войдете. А наше Вы ведь знаете. Вы в сущности давно уже идете туда же, куда и мы. Теперь пойдем вместе.

больше всего помогают. Вы поняли главное, что я не один, что я и Зина и Д. Вл. – *одно*. Вы полюбили не меня одного, но нас всех вместе, наше одно. Но и меня, меня одного, единственного, как никого никогда уже не полюбите в жизни. И Вы для меня тоже одна, единственная – такой, как Вы, никогда у меня не было и не будет.

Ну разве это не радость? И если радость эта будет все расти и расти, то разве нельзя ею всего победить?

Зине, как Вам сейчас, трудно и одиноко и страшно. Особенно – от Сережи. Он в главном – не с Вами. Он через Вас не полюбит меня и моего, нашего. Но «Богу все возможно» – значит, Вы должны не покидать Сережу до конца. Недаром же Вы и его полюбили. Была же какая-то правда во всем,

что у Вас с ним было. М[ожет] б[ыть], и он когда-нибудь иными путями придет к тому же, к чему и мы пришли. Но сейчас он – против нас. Мы ему враги, так же как Вашему брату Павлу и всей церкви православной. Он даже не может поверить, что мы в Христа верим, в *Того же* Христа. Ему кажется, что мы с Антихристом и Вас к нему влечем; что мы Вас соблазнили, «совратили в ересь». Так ли это? Или я ошибаюсь о Сереже? Я ведь его совсем не знаю. И Вы о нем так мало пишете. Я не могу понять сущности его и того, за что Вы его любите, т.е. не за что, а *что* в нем любите.

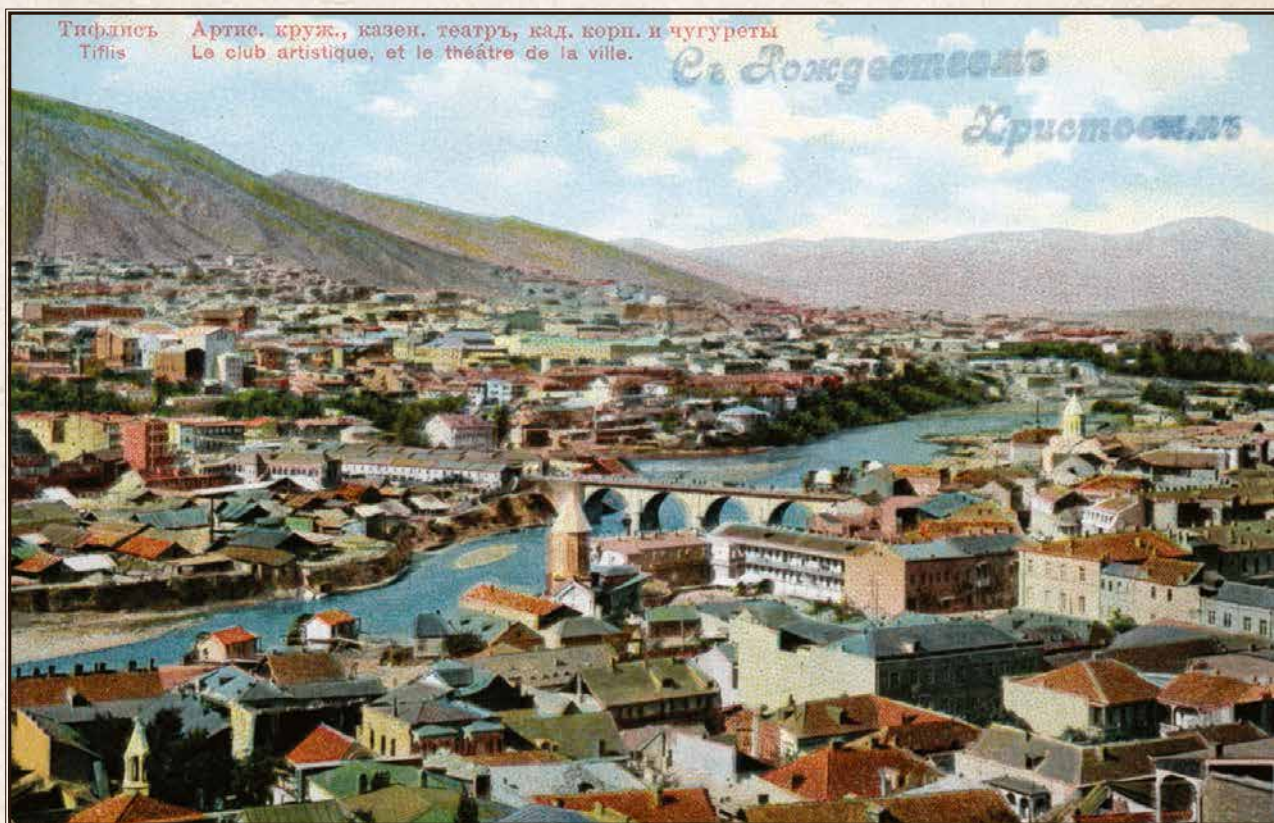
Пишите пока сюда – на виллу перешлют:
Cannes. Alpes Maritimes. France. Poste restante.

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

10 августа 1910.

Слепцово

Оля родная,
знаю, что нехорошо делал, что Вам не писал, и страдал от этого все время, потому что знаю также, как Вы беспокоитесь. Но вот как же быть.

Тифлис. Открытка начала XX в.

Здесь – хорошо. Мы нанимаем виллу в пустынном месте. Там Пасху будем встречать. И Вы – будете с нами; пока только через меня, а потом и совсем с нами.

Это письмо, должно быть, получите уже на Страстной. А Ваш ответ я уже, верно, после Пасхи получу. Помните же, что я с Вами все это время буду, что Вы – не одна в эти дни. Не бойтесь, дорогая моя милая!

Зина отдыхает, и я тоже. Сейчас море дышит, как спящий ребенок. И тихо, тихо. И тепло, но не жарко, только нежно и ласково. И Вы так близко, как будто от Вашей ласки так тихо и тепло.

Господь с Вами.

Дмитрий

Причина такого действительно бесовского молчания не только важна: отвращение неодолимое, возрастающее к писанию писем (и даже коротеньких записок – они для меня как-то еще тошнее), житейская суматоха (дней десять после Вас был еще болен или не совсем здоров, а потом ездил в Петербург на неделю), физическая поглощаемость Декабристами (глаза устают за день смотреть на белую бумагу), но причина этому и внутренняя, самая главная: чтобы написать Вам после свидания в первый раз – я ждал ясности душевной, той глубокой благодатной тихости, которая бывает редко и которой вот, наконец, дождался. Вот и сейчас же пишу.

Милая девочка моя, ну зачем же так беспокоиться, так мучить себя всякими ложными страхами?

О.А. Флоренская. Портрет
Зинаиды Николаевны Мережковской-Гиппиус

Ведь и не ложных довольно. Горько мне и больно, что Вы хоть одну минуту могли подумать, что я «уйду» от Вас (мамка, не уходи – помру!) – это очень страшно); Ну куда же мне уйти от Вас! От Вас уйти, значит, и от Него уйти – ведь мы же вместе с Вами – у Него. И как же не чувствуете, что это навеки. Может быть, и может быть в таком сомнении до последнего свидания – могло еще казаться, что мы близки отвлеченной близостью, но теперь все стало таким кровным, воплощенным и осязаемым. И этому ужасно помог Сережа. Как я ему благодарен и Вам, за то что Вы вместе приехали. Сразу все объяснилось и воплотилось. Вы для меня

сами воплотились. Перестали быть ребенком-девушкой и сделались женщиной-женой в самом высшем и подлинном смысле. И в этом Вы мне еще роднее. И не только мне, но и Зине. И она за это свидание Вас еще больше поняла и полюбила. Разве Вы все это сами не почувствовали? Зачем же усомнились и так <...>⁴⁵: «не уходи, мамка, помру!» Ну довольно. Вы теперь и сами видите, что не надо было так мучиться. Хотя и то правда, что по этой муке Вашей я в первый раз как-то реально все почувствовал, что Вы нас всех и *наше* любите, и как оно Вам нужно.

Третьего дня проснулся ночью и как-то вдруг подумал о Вас и тоже реально почувствовал, как Вы мне нужны не отвлеченно, а плотски, физически. Чтобы сейчас, сейчас же были здесь и как неестественно, несправедливо, что вас нет. И вместе с этим уверенность, что опять будем вместе – все ближе и ближе. Только бы этого хотеть – и все будет.

Я уверен, что и Сережа понял, что ему надо быть ближе к нам. Ведь он уже на веки ушел из церкви, в этом для меня нет никакого сомнения – и он сейчас *нигде*. А быть нигде очень страшно, да и невозможно. Ему рано или поздно надо будет выбрать одно из двух, или рационализм, религиозную обывательщину, или туда же идти, куда Вы, куда мы все. Но возврата в церковь жизненного, серьезного, не бытового и обывательского ему уже нет.

Ну что еще сказать? Прочел я Серебрян[ого] Голубя⁴⁶. Очень любопытно. Будем о нем писать в Рус. Слове. Там одну мою статью («Декабристы и революция») из-за цензурных соображений не решатся печатать – придется отдать в «Речь». Статья для меня важная. Читали Вы Голубя? Напишите, что думаете в двух словах. Вы кажется говорили, но поверхностно, и я забыл.

Священник, о котором Вы пишете («Мережк[овский] во Христа не верит»), очень мне понравился. Но не все такие и это не из лучших. Иона Брехн[ичев]⁴⁷ откуда-нибудь да взялся же.

⁴⁵ Слово неразборчиво.

⁴⁶ «Серебряный голубь» – роман Андрея Белого, печатавшийся в 1909 г. в журнале «Весы», а затем летом 1910 г. вышел отдельной книгой в издательстве «Скорпион».

⁴⁷ Брехничев Иона Пантелеймонович (1879–1968) – публицист, религиозно-общественный деятель, окончил Тифлисскую духовную семинарию, где учился с И.В. Джугашвили, рукоположен в священники, а в 1907 г. извергнут из сана, был близок к созданному В. Эрном, А. Ельчаниновым и В. Свенцицким Христианскому братству борьбы, пропагандировал «голгофское христианство», главной идеей которого была «искупительная жертва», после 1917 г. – активист Союза воинствующих безбожников.

Господь с Вами, родненькая. Будьте спокойной. Мне почему-то все кажется, что мы опять скоро увидимся. Получили письмо Зины? Она еще писала Вам в деревню. Напишите скорее. Отвечу тоже скоро – ну хоть <...>⁴⁸ записочный. Олю деточку целую крепко.

Дмитрий

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

[4 ноября 1910]

Телеграмма Ответ 10 – Ольге Александровне
Троицкой Тифлис Николаевская 61
Тифлис Петербург 078828, 30 4, 9, 38, Д

Думаем всегда молимся вместе любим олю
родную и сережу как живого если любишь нас
не впадешь в уныние скоро будем вместе

= Дмитрий =

П.А. Флоренский – О.А. Флоренской

1910. XI. 20

Милая Валя! Крепко целую тебя и желаю тебе тишины и мира. Не сердись, что я давно не писал тебе: мне было совсем не до писем и все время очень тяжело. Да и сейчас не очень-то хорошо. Как мне хотелось бы повидать тебя, моя дорогая; я совсем, было, собрался ехать, но потом сообразился, что никак нельзя оставить Анну⁴⁹ одну. Она и так очень тоскливая у меня, а теперь еще, ожидая сыночка, хворает и нервничает, так что ее нельзя оставить и на несколько часов, не говоря уж о том, что нельзя оставить одну на ночь. Но может быть ты когда-нибудь приедешь сюда? – Не печалься слишком о смерти Сережи. Во-первых, это было суждено ему давно и я давно знал, что будет что-нибудь страшное, – потому зная и боялся разлучаться с ним, да и сам он, еще в Академии, неоднократно говорил мне, что ему жить недолго, несколько лет всего. Только мне кажется, что потом за жизненной стезей он несколько позабыл о том. А, во-вторых, жизнь вообще – такая суета и тоска, что всегда завидно тем, кто уходит, кого выпустили отсюда, и я чувствую, что лучше уйти, когда позволяют, чем остаться. Для

себя же лично я теперь не смею желать ухода отсюда, потому что должен заботиться об Анне. Что ты делаешь, моя хорошая? Напиши мне что ниб[удь]. Напиши что ниб[удь] Анне. Она очень боится всех и всего, не смеет писать, потому что не знает, как встретят ее. Говорит, встретят ли еще как «свою». А при ее робости, скромности и боязни сделать что-нибудь «не так» это на нее действует скверно.

Конечно, самое лучшее было прямо приехать домой. Но при таких расстояниях это практически невозможно. Сейчас я работаю или, скорее, хочу работать над своим «Столпом», который думаю печатать летом и посвящу памяти Сережи. Напиши мне, что ты думаешь об этом, и, может быть, напишешь, как следует поработать над тем, по твоему.

Не терзай себя, моя хорошая. Твой Павел.
Целую тебя крепко.

З.Н. Гиппиус – О.А. Флоренской

СПб. 20.XI.[1910]

Родная Оля, детка моя! Я буду это все время писать тебе часто-часто, так дня через четыре, через пять. Хоть коротенькие буду письма писать, но постоянно, не дожидаясь твоих слов. Ты когда захочется – пиши, а не захочется – молчи, я все равно буду. Я знаю, что если часто будет приходиться словечко, ты будешь явнее чувствовать, что я думаю, помню, люблю тебя, молюсь с тобой. – Деточка, я знаю, вот эта мысль, что «не успел» чего-то сказать, что виноват и что невозвратно, – вот что самое больное, самое терзающее. Но мы тогда <...>⁵⁰ что тот, ушедший, уже знает все не <...>⁵¹ слова, видит всю меру любви и <...>⁵² любовь уже имеет во всей полноте. Так что не прощенья не хочет давать, а <...>⁵³ одну любовь покрывающую. Ведь Сережа уже в час смерти даже вскрылся, как не умом открывать себя в жизни. Вспомни его последние святые слова о прощении. Мы, здешние <...>⁵⁴ и темны, что не умеем себя никак вскрывать. Только любовью еще <...>⁵⁵ да ведь и то не всегда, ты сама знаешь, такая мука часто, что и самой любви мы не умеем передать другому. Вот еще в чем поверь мне, детка: Сережа тобою и с тобой, своей и твоей любовью, был счастлив. Я видела, в некоторые

⁴⁸ Слово неразборчиво.

⁴⁹ Флоренская (урожд. Гиацинтова) Анна Михайловна (1883–1973) – супруга П.А. Флоренского.

⁵⁰ Слово неразборчиво.

⁵¹ Слово неразборчиво.

⁵² Слово неразборчиво.

⁵³ Слово неразборчиво.

⁵⁴ Слово неразборчиво.

⁵⁵ Слово неразборчиво.

минуты, как он тебя любит и как верит тебе. Знаешь, ведь я считаю, что он вообще счастливый, ведь страдание для остающихся, а не для него, который еще так свято перешел прямо на любящие, протянутые к нему руки. Подумай, если б ему твою смерть переживать! Великий дар Божий умереть раньше всех, кого мы любим, но это именно дар, и, может быть, молиться об этом не надо, потому что это в *Ego* воле до конца любить.

Оля, родная, мы уезжаем послезавтра, через Н<...>⁵⁶ на юг, и след. письмецо я напишу тебе уже <...>⁵⁷. Ты черкни словечко Paris, poste restante, отсюда нам будут пересылать быстро. Я буду тебе писать просто, <...>⁵⁸ мы, что с нами, хоть недлинно, да часто. И все мы тоже. Молитвы все спишу и пришлю тебе. Господь с тобой, моя детка, Мать Великая, Утешительница, не отойдет от тебя.

Зина

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

*Hôtel de L'Estérel
Cannes (A.M.)
14 Января 1911*

Оля родная, наконец-то получили мы твои письма. Они все лежали, потому что ты писала Hippious, а надо M-me Merejkovsky. Не знали, кому письма; но мы догадались и едва вытребовали. Не забудь на будущее время, что нельзя писать Hippious, хоть по крайней мере Hippius.

Твои дневники⁵⁹ Зине очень нас испугали. В них безысходность, безнадежность – уныние. Хорошо, впрочем, что ты не скрываешь ничего, обо всем пишешь, как оно есть. Так и тебе, и нам легче. Зина читала твои дневники за обедом, при чужих и заплакала. Я на нее рассердился, зачем не стыдится чужих! Но когда прочел сам, то понял, что нельзя было слез удерживать. Понял также, что ты наверное почувствовала эти слезы и тебе стало от них легче. Да, минуты бывают, когда только плакать можно вместе. Помнишь друзей Иова⁶⁰: сидели с ним и плакали...

Ужаснее всего вопрос: зачем Бог посылает такие непосильные муки? Но пройдет нестерпимая острота боли и начинаешь понимать, что тут надо спрашивать: не зачем, а почему? Ну, конечно, потому для нас смерть такой ужас непереносимый, что мы все почти не верим. «Если бы имели веру в

горчичное зерно, то горы сдвинули бы». Это особенно сказано о горе. Если веру иметь даже не с горчичное зерно, а с атом – то гора горя уже шатается – и кажется, еще пол-атома и сдвинется совсем. У меня бывают такие минуты, когда чувствую в себе атомы веры и вдруг все становится не страшно. И знаю, вижу ясно, какая радость, какой пир предстоит нам всем. Это Достоевский называет «минуты высшей гармонии». Тогда и над смертью власть чувствуешь – над своей и над чужою. Но минуты эти так страшно редки – одною живешь целые годы. Нельзя их сохранить в одиночестве без церкви, без великого огня. Все мы гаснем, как головешки в печи. А если бы сложились, то загорелся бы огонь. Если бы видела ты меня в такую минуту *реальной* веры (хоть и бесконечно малой), ты бы поняла, что я хотя и косноязычно, но о *деле* тебе говорю. А то когда мы все говорим: «воскресение», «воскресшая плоть», то все это у нас слова, поэзия, мечта, математика, отвлеченность.

А как до *дела* дойдет, то реальность-то нашего горя, нашего умирания совсем такая же, как у обывателей или еще хуже, пожалуй, потому что там бессознательный инстинкт жизни спасает, а у нас его уже нет, и другого высшего еще нет. Пойми, Оля, это я не о тебе пишу, а о себе и всех нас. Я перед реальностью твоего горя может быть больше пассую, чем ты сама. Вижу, что надо что-то делать, говорить, помогать, а не знаю, что и как. Глуп, как дерево. Болван болваном.

Получили письмо от Ельчанинова о сборнике в память Сережи. Все думали, что написать. Очень трудно. Ведь у нас были отношения глубоко личные и через тебя. А ведь писать нельзя ничего, особенно в таком страшном и таинственном. Общественно я ведь Сережу почти и не знал. Если Ельчанинова увидишь, скажи ему то, что я здесь написал. А все же постараюсь. М[ожет] б[ыть] и придумаю что-нибудь...

М[ожет] б[ыть] *общественно* то, что казнен его убийца, этот сумасшедший ребенок, еще ужаснее, чем то, что Сережа убит. Но как об этом говорить *мне*, когда *ты* это будешь читать.

Хуже всего то выходит, что в письмах как будто нравоучения все читаю, «проповедую», а где уж мне проповедовать. Больше всего я кажусь себе похожим на того расслабленного, которого опустили, разрыв крышу, к ногам Христа. – «Чадо (т.е. деточка), прощаю же тебе грехи твои»⁶¹. Вот все, на что я могу надеяться.

⁵⁶ Слово неразборчиво.

⁵⁷ Слово неразборчиво.

⁵⁸ Утрачена часть письма.

⁵⁹ Сведений о дневниках О.А. Флоренской нет.

⁶⁰ Образ Иова из ветхозаветной «Книги Иова» воспринимался как идеал примерной покорности воле Бога, несмотря на посылаемые испытания.

⁶¹ Мф. 8.1–8, Мк. 2.3–10, Лк. 5.17–26, Ин.10.36–38.

Ты теперь, Оля, счастливее меня и нас всех, потому что борешься уже наяву со своим горем (расслаблением), а мы все (и я особенно) как во сне его смутно видим, и бороться еще не начинали. А что ты победишь, уже побеждаешь сейчас – я это вижу ясно. Ты сама еще не можешь это видеть, а я за тебя вижу, и почти завидую тебе. Ведь письмо твое ко мне – уже начало победы. Только не пугайся, только верь, что ты гораздо сильнее, чем сама это думаешь. Я вижу силу твою, по сравнению с моей беспредельной слабостью.

Мне сейчас не гоже тебя пугать, а вот что – даже не столько пугать, сколько заставить задумываться: *святая* воля к смерти, которая в горе твоим обнаружилась.

Говорю: «*святая*», потому что она так похожа на старую церковную монашескую святость. Сестра Павла Флоренского. «Поскорей бы умереть» – не мысль твоя (я знаю, что мысли – но только мысли? – у тебя другие), а чувства твои сейчас глубоко церковные. Вот я и думаю: не ошиблись ли мы? Не ближе ли тебе церковь старая, чем то, куда мы стремимся? Пойми опять-таки эти вопросы, недоумение. Может быть, и я и все мы в твоём положении чувствовали бы такую же точно «волю к смерти». И вообще при теперешних силах наших нельзя иначе: тогда значит твой опыт (как до *дела*, до смерти дошло, то воля к жизни пассует) и для нас решителен. Но все-таки вопросы, недоумение остается.

Дело в том, что мы сейчас вот этой страшной раны от смерти близких целить не умеем. А церковь умеет, да еще как. На том, что ты теперь испытываешь, на «воле к смерти» она ведь вся и зиждется. «Умер мой близкий, пойду в монастырь, буду Христовой невестой» – так просто все решить. Миллионы и миллионы так именно чувствовали, так делали. И получали исцеление. Может быть, и ты получила бы? Вот «воля к смерти» так, как сейчас у тебя, воистину *святая*, и что можем мы, «щелкоперы», «Хлестаков» противопоставить такой лучезарной святости? «Атом веры» – да, он есть. Но ведь мало его – гора только шатается, а не сдвигается, может быть, *так и не сдвинется* на наших глазах?

⁶² Поместье Мелик-Бегляровых в Елизаветпольской губернии.

Испытай же себя, Оля: не из любви ли к нам лично, только лично ты идешь к Нашему? Если только из-за этого, то это неверно. И нам будет не под силу. Ты не для нас, а для себя должна идти к Нашему...

Трудно об этом писать. Когда увидимся, переговорим.

Спасибо за последнее письмо.

Молюсь всегда за тебя.

Целую всех радушно и благословляю. И ты меня благослови.

Господь поможет нам всем.

Дмитрий

О.А. Флоренская – Д.С. Мережковскому

5, IX, 1911. Ханаяль⁶².

Ночью проснулась и плакала – отчего не могу жить с вами? Скитаюсь где-то, и все-все стало мне

Д.С. Мережковский

чужим, вся жизнь, если я не с вами. Не хочу, не могу так жить, а все-таки делаю так. Кажется, минутами сердце готово безмолвно разодраться на кусочки. Ежели не единственно-вечное, все ведь бессмыслица. Для чего же эта трата жизни? Когда я говорю со «старшими», вижу из их слов, что живут, п[отому] ч[то] день заняты сотнями мелочей, за которыми некогда думать. Когда же думают – все кажется суетой и пустотой.

Дима, милый, не умею сказать, да может и не надо. Только иной раз думаю – зачем от вас всех уехала? Если бы не вы, просто оставила бы эту жизнь, не имея сил нести. А теперь несу, но только на это и есть энергии, а дальше – полное бессилие. Нарочно сюда приехала, думала забыться. Но природа только обостряет внутреннее, если оно сильно.

Здесь я вполне предоставлена самой себе. Взрослые или заняты хозяйством, или играют в карты. Ухожу в поле, в сад. Хорошо в винограднике. Спелые кисти, черные, желтые, зеленые, с синим налетом, свисают с лоз, иной раз до земли. Возле ни души.

Только теперь замечаю, как я изменилась за те шесть лет, что не была здесь, как мне дорог север. И еще, знаете, Дима, мне нужна теперь природа вместе с ч[елове]ком. Когда же она сама по себе – страшно, почти живая она. Все кажется, будто говорит. На даче еще как-то задремала, прислонясь к дереву в зной, меня заставил встать, оглянуться голос пшеничных колосьев – «Чашу спасения прими»... Почему-то это глубоко страшно всегда, хотя и знаешь, что почувдило.

Ерунду я пишу. А в окно слышен шум воды в канавах и неистовое трещание ночных кузнечиков. Жарко. Но я тоскую о севере. Ах, Дима, если бы все можно было делать так, как хочешь. Давно вы не писали. Все вспоминаю наше прощанье на вокзале. Не могла ничего сказать, не было сил. Неужто же долго еще не увидимся, не встретимся?

Дима, думаю я часто: что дает мне право думать о вас, как о своих, как о самых близких? И смею ли быть навсегда с вами? Что я вам? Господи, если нет, не должно, не нужно вам, зачем же так мучительно люблю, вечно тоскую?

Простите. Христос вас храни.

Оля

С ужасом думаю о вашем отъезде за границу, оттягивающем встрече почти на год.

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Сергиев посад. Штатная ул.,
д. Озерова Е.В.Б. Свящ. П. Флоренскому
Штемпели: Москва 7.1.1914; Сергиевский посад
8.1.14
Рукой П.А. Флоренского: Получ. 1914.I.8

7, I, 1914. Москва Никитский б., д. 6, кв. 17.

Милый Павля,
поздравляю тебя с 33-им годом. «Кланяюсь годам твоим и <...>⁶³ просим».

Володя Эрн ввел меня в «цвет Москвы» – Иванов⁶⁴ читал свою трагедию. Как сестра знаменитого брата, встречена была весьма любезно, но, увы, кажется, быстро рассеяла чары.

Вчера с подругами первый раз бегала на лыжах за городом, понравилось очень, а упала всего один раз.

Люся теперь с утра до ночи в больнице. Поцелуй римского базилевчика⁶⁵. Будь здоров.

Тв[оя] Валя

З.Н. Гиппиус – О.А. Флоренской

30–1–14. СПб
Серг. 83

Милая Оля,

Я тебе не писала потому, что совсем не знала, что могу тебе сказать. Ты сама все знаешь собственным разумом и с такой непреложностью, что тебе не очень нужны другие мнения. Я-то, хоть полагаю, что ты часто ошибаешься, но спорить с тобой не хочется, бесполезно. Да и зачем?

Могу только одно сказать, с нашей стороны: мы никогда не хотели твоего «детства» и не могли становиться для тебя «отцами» в том, самом главном, что, казалось, нас связывает. Но раз ты хочешь стать на эту плоскость, сводишь на это свою позицию, – своди, становись. Если так тебе лучше, если этим для тебя все объясняется – пускай будет так. Но мы-то все же не чувствовали и продолжаем не чувствовать себя «семьей», в которую возвращаются «дети» после исканий, «радостей жизни» вне ее; поэтому не разочаруйся, если, вернувшись, не найдешь опять успокоения.

А кроме того – став на эту позицию, уже держись крепко. Уже не говори, что ты «сестра», и с

⁶³ Слово неразборчиво.

⁶⁴ Иванов Вячеслав Иванович (1866–1906) – поэт, теоретик символизма, филолог, переводчик. Возможно, речь идет о трагедии с античными хорами «Гантал».

⁶⁵ Так называет О.А. Флоренская своего племянника, первенца П.А. и А.М. Флоренских Василия (1911–1956).

этой точки зрения уже и не подходи. Но и помимо того, что я не признаю за тобой права писать такие увещательные и предостерегательные письма, как ты написала Дмитрию, я еще и фактически этого письма совершенно не понимаю. И, пожалуй, тут уже отцовство и детство не при чем, а просто не знание фактов. Я не знала, какие статьи писал Дмитрий «о крови», а так как все его последние статьи я твердо читала, то и не могу понять, о чем ты говоришь и против чего предостерегаешь. Таким образом, если у тебя было намерение письмом своим оказать нам помощь, то это намерение не удалось.

Помощь возможна только взаимная; мы, это правда, всегда ждали и хотели твоей помощи; перестали ее ждать только тогда, когда увидели, что сами не поможем тебе, что ты *не сможешь*, ну просто не можешь принять никакой нашей помощи. Для принятия чужой помощи требуется столько же, если не больше, силы и сознания, чем для подачи самому. Все равно, по каким причинам ты *не можешь* получить от нас помощи. Все равно потому, что какие бы ты причины ни привела, они будут «вторые». Я до сих пор думала, что невозможность взаимной помощи обуславливается всегда одной, первой, причиной: разностью отношения к Главному. Теперь же я не знаю, что и думать. Факт на лицо, взаимной помощи между нами нет. Разность отношения к Главному я не имею ни смелости, ни возможности предположить. И недоумеваю. Во всяком случае ты можешь понять, что все «вторые» причины мне тут неинтересны, и ровно ничего *для меня* объяснить не могут. Ошибочна или нет моя точка зрения, – но она очень определена. У грудного ребенка *нет* одинакового со мной отношения к Главному, и я понимаю, что мы не можем с ним делать одно Дело и помогать друг другу. Но если бы выясилось, что *есть* такое одинаковое отношение, то факт, что это грудной ребенок, уже не играл бы для меня никакой роли, это был бы просто личный признак, больше ничего. Я нарочно беру абсурдный пример, чтобы пояснить тебе мою мысль. Я провожу ее до конца. Поэтому все твои указания на разность возрастов, психологий, внешних положений, характеров, склонностей, привычек, состояний и т.д. для меня неубедительны и ровно ни-

чего не меняют. Я даже и смотреть в эту сторону не желаю. Вижу только: все, носящие в себе одинаковое отношение к Центру⁶⁶, не могут быть неспособными ко взаимной помощи, при том конкретной и постоянно нужной. И далее: никто из нас тебе не может оказать помощь, никому из нас и ты ее не оказываешь, не можешь, даже когда и хочешь.

Вот тут и все *мое* недоумение. Если же для тебя или нет этого недоумения, или ты разрешаешь его, удовлетворяешься «вторыми» причинами – тем лучше для тебя, т.е. легче. А я предпочитаю его пока вовсе не разрешать.

Для полной ясности я выключила из моих положений даже *любовь*, личную симпатию или антипатию; представь, что и любовь *может* быть одной из «вторых» причин. Любовь еще не главный критерий и еще не Центр. Бог есть Любовь, но любовь, для нас, еще пока не Бог.

Ну вот, с посильной ясностью – я тебе свое высказала. Я, впрочем, ничего от тебя и не скрывала. Верю вполне, что ты любишь нас, но, пока не почувствуешь нужды и возможности нашей помощи – не пытайся и нам ее оказывать: ничего не выйдет. Будь здорова и весела, целую тебя. Тата⁶⁷ еще в Одессе (умерла теть Вера). Скоро мы надеемся уехать за-границу, очень устали. Христос с тобой.

Твоя Зина

Д.С. Мережковский – О.А. Флоренской

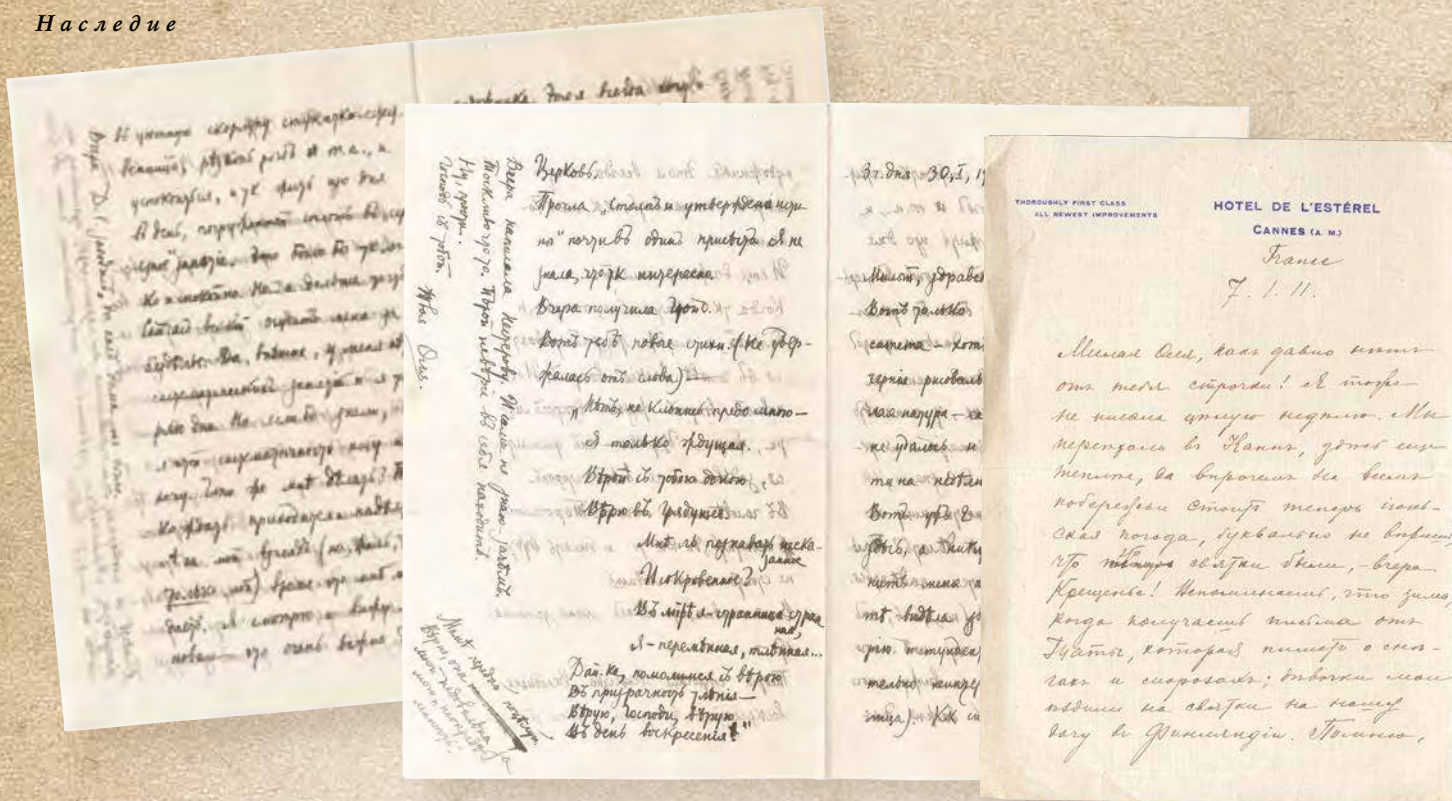
Сергиевская, 83.
16/Фев. 1914 г.

Милая Оля, я получил твое письмо в очень тяжелое для нас время, когда физических сил не было тебе отвечать. Я чувствовал, что отвечу не спокойно и значит, не верно, для себя, по кр[айней] мере неверно – не из глубины. Теперь все прошло (ну, хоть и не все, а главное), и я отвечаю тебе так спокойно, как только могу.

Да, письмо твое показалось мне не-братским, нелюбовным, хоть и в любовь твою к нам и к нашему верю. Но ты попала в нелюбовное положение не только по твоей, но и по нашей вине. Нелюбовь от неравенства. Мы требовали, чтобы ты

⁶⁶ Трудно с достоверностью говорить о том, что называет З.Н. Гиппиус «Центром», а Д.С. Мережковский в нижеследующем письме «штабом». Иносказательность и недоговоренность в письмах объясняется тем, что Мережковские справедливо опасаются того, что их письма могут попасть в руки охранки. Из архивных документов ГАРФ (102.239.157) явствует, что еще в 1909 г. Департамент полиции перлюстрировал письма Д.С. Мережковского к О.А. Флоренской.

⁶⁷ Гиппиус Татьяна Николаевна (1877–1957) – сестра З.Н. Гиппиус, художница. После революции 1917 г. с сестрой Натальей осталась в России. Во время Великой Отечественной войны Татьяна и Наталья Гиппиус оказались в гитлеровском концлагере, после войны работали реставраторами в разрушенном войной Новгороде.

Письма О.А. Флоренской, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского

была во всем сейчас нам равна – ты не смогла, да это и невозможно было тебе. У тебя не только совсем другой состав личности, но и другая жизнь, другой возраст. И вот получилась неясность: то «отцы и дети», то сестры и братья. Или другими словами – неизвестно в каком ты положении – рядовой или штаб. Ты сама не имела силы выбрать своего положения и утвердиться в нем, а мы не сумели поставить тебя, куда следует.

Отсюда и неясность твоего вопроса о «жертве». Если ты «сестра», а не «дитя», в «штабе», а не «рядовой», то не должна со стороны говорить о моей (нашей?) «жертве», как будто моя (наша?) «жертва» – не твоя. Не должна возлагать ответственность за «безжертвенность» на меня одного, а должна возлагать ее на всех нас и на себя в том числе. Должна говорить не «ты», «не вы», а «мы». А знаешь ли ты, какая твоя, наша жертва? Если знаешь, скажи просто и точно. Я не знаю, мы не знаем. Не от нашей воли зависит избрание жертвы. А мы сейчас не чувствуем «избрание». Искать жертвы, создавать ее искусственно, мы не <имеем права>⁶⁸ смеем. Тем более я один. Тут я стал бы в положение «пророка» и «учителя», самое для меня отвратительное и нестерпимое. А ведь в это положение ты меня и приглашаешь, говоря не с нами, а со мной (писателем) о жертве?

Если же ты – «рядовой», то что ты знаешь о наших опасностях, тяжестях, муках и м[ожет] б[ыть] «жертвах»? М[ожет] б[ыть] мы гораздо ближе к ним, чем ты думаешь. Тогда тебе нужно оберегать нас, бояться за нас, телом своим заслонять нас от жертвы. А не звать: «что же вы струсили, штаб, идите вперед!» <иначе я уйду от вас>⁶⁹. Нелюбовные твои слова об «острие», на котором я стою, и призыв: «кинься же вниз!» Прости, Оля милая, но это – «искушение», «провокация» (та самая! которая сейчас окружает нас отовсюду, и страшно больно мне было твое участие в этой «провокации»). В твоём «кинься же вниз!» звучит «а ведь вот не ки-нешься!» – и мне хочется тебе ответить: «да, не ки-нусь, а уж если кинусь, то, во всяком случае, не по твоему <призыву>⁷⁰ зову». Ты не усиливаешь, а ослабляешь, искушаешь меня. Знаю, что невинно и печально. Но все-таки больно и страшно.

И практически ты во многом ошибаешься, многого не видишь и не знаешь. Слишком то-ропишься, по-детски. Все идет тяжелее, труднее, медленнее, чем ты думаешь, но все-таки идет. Мы кое-что сделали и делаем и еще сделаем. Если моя литература тебе не нужна, то многим еще нужна.

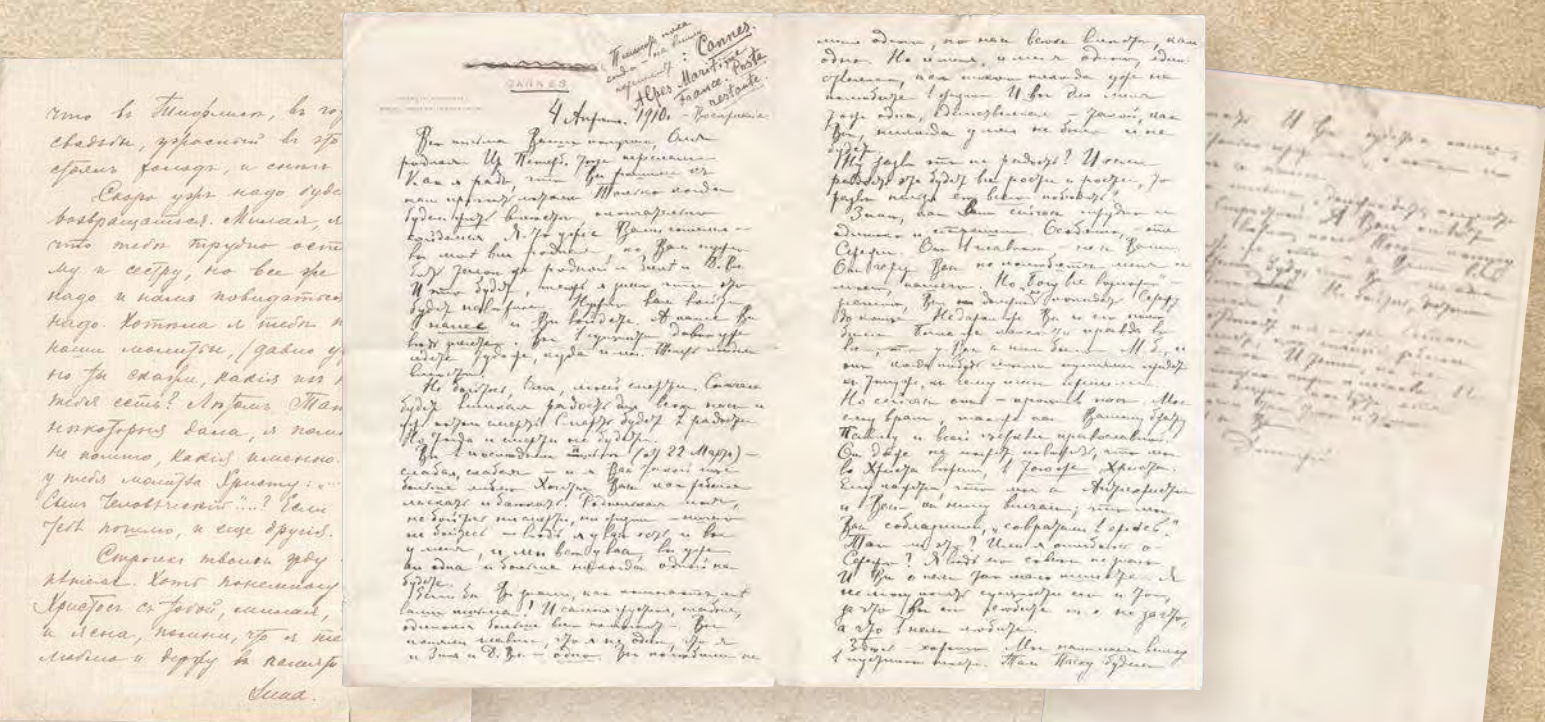
Кстати, твоих слов, что я все говорю «о крови», я совсем не понял. Где я говорю «о крови»? Я говорю о вещах очень внешних <или все таки нужное к>⁷¹.

⁶⁸ Зачеркнуто.

⁶⁹ Фраза вычеркнута.

⁷⁰ Зачеркнуто.

⁷¹ Зачеркнуто.

Мне кажется, что ты сделала большую ошибку, что уехала в Москву. Тебе надо было остаться около нас и терпеливо ждать соединения, чтобы войти в наши дела, т.е. остаться «рядовым». А ты, не войдя в «штаб», обиделась и ушла в себя. Это все старый «индивидуализм», старое одиночество и опять, прости, старое самолюбие. Тут была твоя «жертва» (знаю, очень больная и болезненная), и если бы ты приняла ее, то м[ожет] б[ыть] увидела бы, что и мы не без «жертвы».

Но все это прошлое, а «кто прошлое помянет, тому глаз вон». Надо думать о будущем. Что мы «из одной утробы» – это я и мы все всегда чувствуем. И не отречемся от тебя. Если ты захочешь к нам подойти, то мы пойдем и тебе навстречу.

Главное бы повидаться. Хорошо, если бы летом ты приехала к нам – на неделю, а на большее время – опять, пожалуй, ничего не выйдет – все затянется, замшится житейскостью? Но если придешь на определенное время для определенной цели и с определенными намерениями, то будет полезно и нам, и тебе. Ведь письмами ничего не выяснишь. А много надо выяснить, много за это время накопилось опыта. Зима эта имела огромное деловое значение для нас и очень отрадное. Если бы ты была в Петербурге, то я не сомневалась, что ты была бы уже совсем с нами. Но издали ничего не поймешь, ничего не скажешь – толь-

ко друг друга «искушаешь», «провоцируешь». Хуже всего – полу-близость, полу-даль – Москва – Петербург – ни далеко, ни близко.

Зина тоже тебе пишет. Давно написала, но я просил ее не отсылать письма до моего.

Целую тебя крепко и крепко надеюсь, что все-таки мы будем вместе.

Твой Дмитрий.

P.S. Мы на будущей неделе едем за-границу до конца Апреля, начала Мая.

Адрес: Paris XVIe 11-bis Avenue Mercedes. Но сюда еще успеешь ответить.

А.А. Флоренский – П.А. Флоренскому

Телеграмма: Сер. Пос. Мск. Флоренскому
Из Тифлиса Принята 29 VIII 1914
Рукой П.А. Флоренского: Получ. 1914.VIII.29
Сергиев Посад.

Вале плохо приезжай для мамы Люсе не сообщай телеграфируй востребование

= Шура

Публикация и примечания
В.П. и П.В. Флоренских и Т.А. Шutowой.
Подготовка иллюстраций А.Л. Олексенко.